

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Корчмина Е.С., Лавринович М.Б., Федюкин И.И.

**Налоги, бюджет и информация в России раннего
нового времени:
подушная подать в городе и деревне XVIII в.**

Москва 2015

Аннотация. В данной работе на основе широкого круга источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, проанализированы законодательные нормы, административные механизмы и практики, касающиеся сбора подушной подати в России XVIII в. Выявлены специфика работы административного аппарата в городе и в деревне, восприятие подушной подати и методов ее сбора городским и сельским населением.

Ключевые слова. Российская империя, налоговая система, государственное управление, эффективность, фискальная нагрузка, Новое время

Abstract. This paper analyzes legal norms and administrative practices typical for collecting the poll tax that was established in Russia by Peter I and formed the basis of state income during the eighteenth century. The research, based on various archival collections, compares the work of state apparatus in Russia's countryside and cities.

Key words. Russian Empire, public administration, fiscal burden, modernity, state capacity

Лавринович М.Б., научный сотрудник лаборатории историко культурных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Корчмина Е.С., старший научный сотрудник лаборатории историко культурных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Федюкин Игорь Игоревич, старший научный сотрудник лаборатории историко культурных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2014 год.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ПСЗ 1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.

РГАДА - Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Городское население и подушная подать	9
1.1. Законодательство об обложении подушной податью городского населения.....	9
1.2. Перепись городского населения.....	14
1.3. Оценка уплачиваемости подушной подати в историографии.....	19
1.4. Система ответственности за сбор.....	24
1.5. Способы взыскания недоимки с посадских.....	27
1.6. Насилие со стороны военных.....	37
1.7. Прошения и челобитные посадских общин.....	40
Глава 2. Нормы и практики взаимодействия власти и населения в российской деревне.....	45
2.1. Законодательные рамки уплаты подушной подати в российской деревне.....	45
2.2. Законы и практика их исполнения.....	51
2.3. Выборы земских комиссаров.....	53
2.4. Взаимодействие крестьян с местными властями в связи с уплатой подушной подати.....	56
2.5. Сколько стоит заплатить в срок?.....	67
Список источников.....	71

ВВЕДЕНИЕ

По словам историка Н. Хеншела, «развенчавшего» миф об абсолютизме, ни один монарх к западу от границ России теоретически не был настолько абсолютным, чтобы нарушать права подданных или вводить налоги без их согласия. По его мнению, режимы, считавшиеся в историографии абсолютистскими, сталкивались не только с теоретическими ограничениями, но и с практическими: финансовые нужды подталкивали режим идти на компромисс с частными лицами и правительственными чиновниками, купившими свои посты; использование механизмов патроната вынуждало потакать корыстным интересам властных группировок; географическая удаленность и разнородность территорий мешала управлять государством как единым целым¹.

Хеншел деконструировал концепт абсолютизма на историческом материале Западной Европы. Россия в его построениях фигурирует лишь как темное пятно, не имевшее никакого значения для происходивших западнее ее границ процессов. Между тем, историк верно выдвигает право монарха на введение налогов как ключевой критерий оценки «абсолютности» монарха. Если ему удастся справиться с классическими неабсолютистскими режимами, а также и с теми, которые считались в историографии классическими абсолютистскими, то Россия просто выпадает из этого ряда. Между тем, досягаемость подданных для обложения, как и для обязательной исповеди², является одним из критериев модерности. Вынуждено ли было российское государство в первой половине XVIII века идти на компромиссы? Или оно действовало механистически, не встречая препятствий на своем пути? Какую роль играло население, его ожидания и реакции в становлении военно-фискальной системы России, столь успешно функционировавшей по крайней мере до Крымской войны в середине XIX столетия? По мнению Дженет Хартли, российское государство в XVIII веке контролировало не столько фискальную политику, сколько экономические и человеческие ресурсы империи. Оно фактически

¹ Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Пер. с англ. А.А. Паламарчук при участии Л.Л. Царук, Ю.А. Махалова; Отв. Ред. С.Е. Федоров. СПб., 2003. С. 227.

² См. об этом: Живов В.М. Дисциплинарная революция и борьба с суеверием в России XVIII века: Провалы и их последствия // Антропология революции: Сборник статей по материалам XVI Банных чтений журнала «Новое литературное обозрение». М., 2009. С. 327–360.

переложило финансирование войн на население, и делало это довольно успешно, по крайней мере, в доиндустриальную эпоху³.

Как правило, работы историков, посвященные подушному налогообложению, касаются сельской общины, поскольку затрагивают основную массу налогооблагаемого населения – крепостных крестьян, во вторую очередь – черносошных (позднее – государственных). Между тем, практически «черной дырой» на этом фоне остается городское население.

С другой стороны, и по отношению к крестьянам сложившая в историографии картина взаимодействия власти и населения не отличается гибкостью и нюансированностью. Базовые положения существующих представлений о том, как крестьяне платили подушную подать можно сформулировать следующим образом: они подвергались сильной эксплуатации со стороны государства и владельцев, подать была разорительной, крестьяне находились под жестким административным давлением (в том числе, в форме «правежа»)⁴. Эта картина остается в принципе неизменной на протяжении всего дореформенного этапа истории императорской России. При этом не совсем ясна роль помещиков, особенно мелкопоместных провинциальных помещиков, в процессе взимания подушной. Дореволюционные авторы указывали, что часть помещиков была вовлечена в сбор платежей, советские же и современные историки, насколько можно судить, не рассматривают помещиков в качестве одного из звеньев фискальной цепочки. Участие же провинциальных чиновников в процессе сбора подушных денег, по мнению историков, ограничивалось взятками или подарками в почесть⁵. Все три указанные группы (крестьяне, помещики, провинциальные чиновники) предстают в качестве «anonymous contributors to statistics on conscription, taxes...»⁶.

При ближайшем рассмотрении, обоснованность подобных представлений вызывает определенные сомнения. Во-первых, центральное правительство испытывало повышенный интерес к подушной подати как к налогу, прямо

³ Hartley J. Russia as a Fiscal-Military State // Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe: essays in honor of P.G.M. Dickson / Ed. By C. Storrs. Farnham: Ashgate, 2009. P. 125–146, зд. р. 137.

⁴ Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацлло М.К. История налогов в России. IX – начало XX века. М., 2006. С. 129.

⁵ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 137.

⁶ Scott James C. Weapons of the weak. New Haven, 1985. 28 – 29.

направленному на финансирование армии и обеспечивавшему от 40 до 60 % государственного бюджета⁷. При этом, с одной стороны, центральное правительство требовало жестко соблюдать сроки платежа, тщательно фиксировать все финансовые операции, вводило жесткие санкции за недоимки в отношении крестьян, помещиков и чиновников. С другой стороны, фактически сформулировав в законе общие правила «игры», государство самоустранилось от регулирования ряда важных аспектов созданного фискального механизма: например, практики разверстания налога по конкретным плательщикам, практики избрания комиссаров от земли, наконец, установления самих процедур платежа и последующего сбора недоимки, переложив все заботы об этом на плечи самих плательщиков и местных чиновников.

Во-вторых, как показывают наши исследования, несмотря на распространенные представления о хронической недееспособности российского государственного аппарата той поры, правительством была обеспечена хорошая собираемость подушной подати – и вопрос состоит в том, как этого удалось добиться. Как на местах взаимодействовали провинциальные и уездные чиновники (как правило, не слишком высокой квалификации); помещики, которые должны были отдавать часть своего дохода в пользу государства (коль скоро налог был разложен на крестьян); и, собственно, крестьяне, которые, естественно, должны были быть не слишком заинтересованы в платеже? Как аналогичное взаимодействие происходило в городах? Как именно осуществлялся фискальный контроль? Насколько интенсивным и эффективным было в этих условиях фискальное насилие? Мы почти не знаем примеров восстаний, непосредственно связанных с подушной податью, и даже обычно приводимые в этом контексте в пример эпизоды единичных или массовых побегов⁸ трудно увязывать напрямую с бременем подушной: обычно речь идет об общем бремени повинностей в сочетании с неурожаем или другими бедствиями. Неужели крестьяне и горожане не сопротивлялись платежу подушной подати, и, если сопротивлялись, то как именно?

В данной работе речь пойдет о нескольких категориях населения – рядовых плательщиках подати (сельских и городских податных сословиях), выборных

⁷ По расчетам С.М. Троицкого.

⁸ «При взимании налогов нередко применялось самое грубое насилие, на которое податное население отвечало укрывательством от правяща, бегством, а иногда и восстаниями. Как правило, насильственные меры не способствовали улучшению положения с собираемостью налогов, лишь обостряя социальную обстановку в стране» (Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России... С. 129).

представителях местных сельских и городских общин, помещиках и местных чиновников. Каждая из этих сторон имела свои интересы, права и обязанности, так что их взаимодействие невозможно описать в рамках линейной схемы («эксплуататоры» - «эксплуатируемые»).

Аналитически кажется оправданным условно разделить процесс платежа на два этапа - нормальный платеж и взимание доимки. Как будет показано ниже, в первом случае, нормальное течение событий оставляло все на своих «привычных» местах: в деревне крестьяне собирают подушную подать и через помещика или через своих выборных привозят в ближайшую канцелярию, помещики отвечают за платеж перед лицом провинциальной канцелярии, осуществляют контроль за сбором денег, и, в случае необходимости, закрывают недостающие суммы из своих средств, чиновники принимают платеж, осуществляют хранение и транспортировку денег, отправляют отчеты о собранных налогах, при этом чиновникам законом было рекомендовано не «выезжать» за пределы административного центра и даже не посылать своих представителей, пока не возникнет недоимка. В городах *mutatis mutandis* ситуация выглядела аналогично. Но при возникновении недоимки она менялась: государство начинало «давить» на своих местных агентов: чиновников, которые в свою очередь уже оказывали давление и на рядовых плательщиков, и на выборных, и на помещиков (если речь идет о деревне).

Работа распадается на несколько частей: применительно к городскому и сельскому населению (соответственно в главах 1 и 2) процесс уплаты подушной подати на местах проанализирован сначала согласно закону (на основании Полного собрания законов Российской империи), а затем на основании делопроизводственных материалов из фондов органов государственной власти и вотчинных архивов. Это позволило, с одной стороны, понять законодательную рамку и правовые условия функционирования государственного аппарата, а с другой - очертить то пространство, в котором сложились и функционировали повседневные практики взаимодействия «управляемых» и «управляющих».

Глава 1. ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ПОДУШНАЯ ПОДАТЬ

1.1. Законодательство об обложении подушной податью городского населения

Термин «посадские» в петровском законодательстве хотя и употреблялся, но постепенно уступал место «купечеству», а правовой статус городского населения был закреплён Регламентом Главному магистрату (1721) и сохранялся в неизменном виде вплоть до 1775 года. В 1721 году Регламент разделил посадских на «купечество» (две гильдии, «первостатейные» и мелкие торговцы) и «подлых людей» («обретающиеся в наймах и черных работах»), не числившихся среди «регулярных» граждан⁹. Невнимание к этой группе населения в целом вызвано той крайне незначительной долей в податном населении, которую составляли члены посадской общины. Согласно первым данным первой ревизии, число налогооблагаемых душ мужского пола в городах и посадах империи составило 169 426 душ из общего числа в 5.570.458 душ в империи¹⁰.

Вопрос об обложении городского населения (или посадских) подушной податью находился в прямой зависимости от процедуры оформления социального статуса жителей городов. Во время проведения переписи, а затем и ревизии переписчики определенно были поставлены перед проблемой дифференциации разнородных и многочисленных социальных элементов, доставшихся в наследство от «служилого» города Московской Руси, деления посадов на «белые» и «черные», включения приволжских народностей и степного юга в сферу власти Москвы и пр. В первой половине царствования социальная политика Петра I, скорее, развивала, а во второй – больше преодолевала установления Соборного уложения 1649 года. Последующее законодательство XVIII в. продолжало петровские традиции или пыталось бороться с их последствиями. Как ни парадоксально, чтобы определить социальный статус горожан, необходимо было решить проблему записи в город крестьян. Крестьянская торговля была препятствием, на которое наталкивались, с одной стороны, посадская община, недовольная конкуренцией, с другой стороны – государство, которое лишалось доходов, которые могли бы поступать от экономической деятельности таких крестьян.

⁹ ПСЗ РИ I. №3708. Гл. VII (О разделении гражданства).

¹⁰ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 476.

Податная реформа 1719–1724 годов заставила правительство решать проблему «торгующих крестьян», – категории, выросшей из особенностей социальной организации допетровской России. Крестьяне, торговавшие и промышлявшие в городе, составляли конкуренцию городским жителям, не неся с ними тяжести всех податей, как прямых, так и косвенных, лишая их при этом части прибыли. Отсюда возникала враждебность посада к этой деятельности – прежде всего, ее причины лежали в экономической плоскости, поскольку тягловая нагрузка на посадских увеличивалась. Из-за свободы любого промысла и особенностей климата, вынуждавшего земледельца на несколько месяцев забрасывать сельскохозяйственные работы, кустарная промышленность, сельское ремесло, промыслы и торговля стали неотъемлемой частью сельского быта. В странах с похожими условиями (например, в Финляндии) эти занятия не получили широкого распространения потому, что там действовали законы, ограничивавшие крестьянскую торговлю и ремесло¹¹. В России таких законов не было, а миграция крестьян в город увеличилась в течение XVIII в. Наличное крестьянское население в городах, по данным Б.Н. Миронова, составило в 1744 году 32%¹².

Попытки разрешить это противоречие предпринимались начиная с XVII в., но политика в этой области в разные годы колебалась. XIX глава Соборного уложения 1649 года объявила торговлю монополией городских жителей, записанных в посад, но прежде все занятые торговлей и промыслами подлежали записи в те посады, где они фактически находились, с вытекавшим отсюда включением в общее тягло – службы и повинности¹³.

Указом 1682 года посадские и крестьяне были оставлены в тех дворцовых городах и селах, в которых они были записаны в последнюю перепись (1674 год). Оказавшиеся в других населенных пунктах после переписи подлежали возвращению на прежние места¹⁴. Первые петровские указы по записи в посад шли в русле Соборного уложения и отличались строгими ограничениями, основанными на критериях происхождения (или «приписки»). Продолжалась политика записи в посад представителей других социальных слоев при наличии торгов и промыслов в

¹¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII в. – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. I. Гл. V. Город и деревня в процессе модернизации. С. 320.

¹² Там же. С. 322.

¹³ ПСЗ РИ I. Т. 1. №1. Гл. XIX. Ст. 3.

¹⁴ Там же. Т. 2. №980.

городе¹⁵. Правительство стремилось не только увеличить количество посадских тягловцев, но и привести занятия подданных в соответствие с их социальным статусом. Однако поскольку нельзя было позволить посадку принять в общину всех потенциальных налогоплательщиков, то было необходимо найти компромисс между интересами помещиков и посадской общины¹⁶, поэтому записаться в посад с 1699 года могли лишь крестьяне, торговавшие в лавках или имевшие промыслы, и только с разрешения Ратуши, которой подавали сказки из городов за подписью бурмистров. Без записи в посад крестьянин мог торговать в городе только оптом с воевод «по Уложению, привозными товарами из уездов»¹⁷. Записавшись в посад, крестьянин уходил из ведомства воевод и приказных людей и попадал в юрисдикцию Ратуши. Дальнейшие изменения в социальном статусе посадского – то есть запись в другие категории населения (в сторожа, купчины, казенные извозчики, ямские охотники и к другим службам, прием в крестьяне дворцовых сел) – могли происходить только с ее ведома. Вышедших из посада без позволения Ратуши следовало вернуть обратно «в тягло ратушского ведения», причем государство не скрывало своих фискальных интересов уже в первые годы XVIII столетия¹⁸.

Тем не менее, экономическая составляющая продолжала играть свою роль при оформлении социального статуса прежних посадских. Указом от 4 января 1709 года было разрешено «для пополнения купечества» принимать в посады не только имевших торги беломестцов и «пожиточных», но и тех, кто имеет торгов от 100 рублей. Право торговли в городе было предоставлено тем, кто не хотел записываться в посад, имея небольшие торги, за уплату оброка наравне с купцами – «десятой деньги». Только не желавшие уплачивать оброк не имели права торговать, «для того, что они торгами своими у посадских промыслы отымают»¹⁹. Эти мероприятия правительства, означавшие отход от Уложения 1649 года, американский историк Дэниел Моррисон назвал политикой «свободной торговли»²⁰. К ней же он отнес разрешение торговать всем чинам при уплате «десятой деньги» и таможенных пошлин. Так, именным указом от 2 марта 1711 года Сенату поручалось

¹⁵ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 456. Л. 24 об., 40, 42, 42 об.; ПСЗ РИ I Т. 3. №1723; №1666; Т. 3. №1718 (указы от 1 января, 26 октября и 17 ноября 1699 г.).

¹⁶ Morrison D. "Trading peasants" and urbanization in eighteenth-century Russia: the Central Industrial Region: Ph.D. Diss. Columbia Univ. NY, 1981. P. 37.

¹⁷ ПСЗ РИ I. Т. 4. №1775.

¹⁸ Там же. №2220.

¹⁹ Там же.

²⁰ Morrison D. Op. cit. P. 38.

рассмотреть вопрос о «свободном торге» людей всех чинов²¹, и изданным сенатским распоряжением предполагалось освидетельствовать знатных купцов, чтобы решить, не принесет ли вреда их торгам и промыслам, если позволить «всякого чина людям торговать всеми товарами везде невозбранно своими именами и с платежом всех обыкновенных пошлин». Интерес государства состоял в узаконении торговли тех, кто, не имея на это права, занимался коммерцией (торговал, содержал промыслы, заводы и откупа) под именами торговых людей. В качестве платы за легализацию своего дела они должны были платить «десятую деньгу по пропорции торгов их», что также обосновывалось интересами государственной казны и крупного купечества²². 1 октября 1711 года людям всех чинов было разрешено «торговать всеми товарами везде невозбранно своими именами», уплачивая все пошлины²³. Этот указ, означавший свободу и дворянской торговли, фактически предвосхищал положение ст. 14 «указа о единонаследии» 1714 года: «Когда кто из кадетов дворянских фамилий захотят идти в чин купеческой или какое знатное художество... то тем, которые в сие вышеписанное вступят, не ставить ни в какое безчестие им и их фамилиям, ни словесно ни письменно»²⁴.

Е.В. Анисимов указывал, что во время переписи ревизоры в городах сталкивались с проблемами, характерными для русского посада, из которых острее всего была проблема статуса «торгующих крестьян». Здесь пересекались интересы посадских, стремившихся к монополизации торгово-промышленной деятельности в городах, крестьян, стремившихся при торговле в городах уйти от повинностей посадских общин, а также помещиков, желавших получать от крестьянской торговли дополнительный доход, но не желавших при этом потерять своего крепостного в случае записи его в посадское тягло²⁵. Проблема налогообложения посадских и формально пользовавшихся их торговыми правами жителей городов всегда оставалась в связи с властью землевладельцев над крестьянами. Это относится и к записи в посад «по торгам» и «деньгам». Указ от 4 февраля 1714 года положил начало уплате известного «двойного оклада» при записи в посад. Согласно ему, все владельческие крестьяне и беломестцы, «которые на Москве торгуют всякими

²¹ ПСЗ РИ I. Т. 4. №2327.

²² Там же. №2349.

²³ Там же. №2433.

²⁴ Там же. Т. 5. №2789.

²⁵ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I (Введение подушной подати в России 1719 – 1728 гг.): Автореф. дисс.....д-ра ист. наук. Л., 1984. С. 32.

товары в лавках», должны были уплачивать со своих торгов ту же «десятую деньгу» и подати, что и посадские. Важно, что они освобождались при этом от несения казенных служб, а при неуплате посадских налогов торговля в городе им запрещалась²⁶. С точки зрения предстоявшего введения подушной подати, это вариант решения проблемы торгующих крестьян означал, скорее, ставку на свободу торговли и деятельности. Однако дальнейшее петровское законодательство в этой области пошло в направлении, которое утверждало власть помещиков над крестьянами, а проведение переписей и ревизий населения, закреплявших население на своих местах, оказалось одним из инструментов этого процесса, с одной стороны, и способом мобилизации ресурсов посада, с другой. Сохранив принцип раскладки налогов «по животам», то есть состоянию, податная реформа, по словам Анисимова, законсервировала средневековые принципы обложения, препятствовавшие развитию капитализма в городах²⁷.

Окончательно решение об обложении посадских, или «купечества», 40-алтынным окладом было утверждено 27 сентября 1723 года²⁸. Оно представляет собой резолюцию, наложенную Петром на магистратские докладные пункты²⁹. С одной стороны, в отношении проблемы торгующих крестьян резолюции Петра I продолжали линию Уложения 1649 года: «которые имеют дома, лавки и заводы в городах и слободах городских, тех написать в посад, а которые живут в деревнях, тем товары продавать в городах, градским посацким. А самим в городах и слободах не торговать, также таких в пристани морские не допускать торговать, ежели в посад не запишутся», «а которые крестьяне не похотят, и им никаким торгами никогда не торговать, и промыслов никаких не держать, и в лавках не сидеть, и жить им за помещиками». Им следовало продать тяглецам все «купеческие заводы» и запрещалось вступать в «крепости», держать лавки и прикащиков. С посадских назначался сбор в 40 алтын, и переписать их должны были те переписчики, «которые уезды переписывают, а им верстаться между собою городами, по богатству», за рекрут они могли откупаться деньгами³⁰.

²⁶ ПСЗ РИ I. Т. 4. №2770.

²⁷ Анисимов Е.В. Указ .соч. С. 35.

²⁸ ПСЗ РИ I. Т. 7. №4312.

²⁹ Д. Моррисон предполагает, что 27 сентября – это дата оглашения: дальнейшее законодательство ссылается на него как на документ от 13 апреля 1722 г. (Morrison, D. "Trading Peasants" and Urbanization in Russia: The Central Industrial Region: Ph.D. Thesis. - NY., 1981. P. 42).

³⁰ ПСЗ РИ I. Т. 7. №4312. С. 121–124.

С другой стороны, право записи в посад без разрешения своих владельцев (возможно, и без обязательной собственности на лавки и промыслы в городе) получили крестьяне, которые имели капитал более 500 рублей, а также более 300 рублей, но торговали при петербургском порте³¹. Однако они не были освобождены от уплаты податей и несения повинностей по крестьянству. Д. Моррисон утверждал в своей диссертации, что именно этот указ создал категорию лиц, которые были одновременно членами и посадской, и крестьянской общины, или «купечествующих крестьян», хотя, как показано выше, это произошло еще указом 4 февраля 1714 года. В течение более чем 50 лет эта норма законодательства оставалась главной для записи крестьян в посад³²: она давала крестьянину возможность торговать в городе, но, по словам Е. В. Анисимова, обеспечивала помещику власть над ним³³.

1.2. Перепись городского населения

В 1719 году посадские не подпали под действие указа о переписи всех крестьян, однодворцев, татар и ясачных от 22 января: «А о расположении посадских людей указ учинен будет впредь»³⁴. Только через два года по указу от 16 февраля 1721 года (опубликованному в ПСЗ под датой 28 февраля 1721 года) Петр приказал доставить сказки от магистратов о посадских и разночинцах, обитающих в посадах, «как по ... указу о взятъе крестьянских душ означено, что где их по именам мужеска пола и у них детей, свойственников и прикащиков, сидельцов, крепостных и наемных людей порознь по именам с летами». Такие же сказки составлялись о разночинцах, живших на посадах, но если сказки о разночинцах следовали в Петербург в Канцелярию главного ревизора В. Н. Зотова, как и все прочие сказки, то сказки о посадских – в Главный магистрат³⁵. Кроме того, проведение переписи поручалось местным властям во главе с губернаторами³⁶. По мнению Е. В.

³¹ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 456. Л. 28 об.–29; ПСЗ РИ I. Т. 7. №4312.

³² Morrison D. Op. cit. P. 42.

³³ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 327. По мнению Д. Моррисона, это значило, что крестьяне вплоть до последних десятилетий XVIII в. уплачивали двойной оклад не до следующей ревизии, как считается в историографии (Ю. Р. Клокман, П. Г. Рындзюнский, В. Г. Вартанов, Дж. Хиттл), но постоянно. (Morrison D. Op. cit. P. 43).

³⁴ ПСЗ РИ I. Т. 6. №3287.

³⁵ Там же. №3747.

³⁶ Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 190.

Анисимова, идея переписи горожан увязывается в указе с идеей переписи сельского населения, и обе переписи рассматриваются в рамках единого воплощения программы податной реформы³⁷. Условием осуществления податной реформы становится реформа городская, а в отношении Главного магистрата в историографии складывается мнение, что он становится лишь фискальным органом государства³⁸.

Несмотря на разделение городских и посадских жителей на «регулярных» и «нерегулярных», никаких указаний на то, что последние, «подлые», не подлежали обложению наряду с «регулярными», или подлежали особому обложению, в Регламенте Главному магистрату и в последующем законодательстве нет. С одной стороны, если следовать логике магистратского Регламента, в гильдии и цехи должно было входить только торгово-ремесленное население городов (и иметь монополию на свою деятельность), что способствовало бы развитию ремесла и торговли³⁹. Поэтому его же положение о том, что всех «купеческих и ремесленных людей, которые не похотя с посадскими служить и податей платить», кто вышел в другие чины и в крестьянство, следовало вернуть в посады и записать опять в общее тягло⁴⁰, противоречит этой логике, и требует специальных разысканий. Таким образом, это разделение не имело никаких ни экономических, ни статусных последствий для горожан. «Подлых», а также разночинцев, записанных в посадское тягло, стали причислять к «купечеству», то есть к тем, кто был определен в гильдии. Как следствие, термин «купечество» приобрел двойной смысл и, по мнению Анисимова, окончательно заменило термин «посадские»⁴¹. Поскольку податная реформа, по утвердившемуся в историографии мнению, имела в качестве приоритета фискальные интересы государства, то есть увеличение числа тяглых единиц и / или обложение повышенным, как утверждал Анисимов, налогом, то зачисление подлых людей, чернорабочих, гулящих в цехи и гильдии и именование их «купцами» увеличивало сумму налогов с посадских⁴². В должность городских магистратов входило «положенные с них [посадских] доходы собирать и отдавать по указам, куда от камор-коллегии будет определено»⁴³. Таким образом, именно этот выборный

³⁷ Там же. С. 182.

³⁸ Это следует из монографии Н. В. Козловой «Российское купечество и абсолютизм в XVIII веке» (М., 1999).

³⁹ ПСЗ РИ I. Т. 5. №3318. Ст. 19.

⁴⁰ Там же. №3708. Гл. IV (О собрании выбылых из слобод).

⁴¹ Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. С. 206–207.

⁴² Там же. С. 326.

⁴³ ПСЗ РИ I. №3708. Гл. XIV (О власти магистратской).

орган («из первостатейных добрых, пожиточных и умных людей»⁴⁴) в 1721 году назначался главным посредником между посадскими и органами власти, ответственными за сбор подушной.

Как уже говорилось выше, во время ревизии «подлых» не стали облагать податью отдельно, а включили в общий для всех посадских оклад. Податная реформа, по мнению Анисимова, имела целью не развитие ремесла и торговли, а фискальные интересы государства, то есть увеличение числа тяглых единиц, облагаемых повышенным, «посадским», налогом. Это стало очевидным в ходе податной реформы. Зачисление подлых людей, чернорабочих, гулящих в цехи и гильдии и именование их «купцами» увеличивало сумму налогов с города⁴⁵, – хотя по идее Регламента Главного магистрата в гильдии и цехи должно было входить только торгово-ремесленное население городов. «Подлые» же люди, работавшие по найму и на черной работе, ни в гильдии, ни в цехи не включались⁴⁶, однако во время ревизии их не стали облагать податью отдельно, а включили в общее для всей общины тягло. Впоследствии всю совокупность плательщиков городских налогов – купечество, «подлых», разночинцев, записывающихся в посадское тягло, – стали причислять к «купечеству», то есть в общую категорию с теми, кто был определен в гильдии.

Проведенная в 1721 году (по указу от 16 февраля) перепись оказалась неудовлетворительной, и 5 февраля 1722 года был издан указ, согласно которому перепись проводилась заново. Целью государства было переписать «выходцев» – вернуть в посады тех, кто «сошел» в деревни, с одной стороны, и, как следует из указа, вероятно, на основании результатов переписи «учинить анштальт, применяясь к другим государствам», как облагать посадских⁴⁷. Вина за не поставку сведений теперь возлагалась на местные власти, но не на губернаторов и воевод, а на подчиненных им представителей местного самоуправления и Главного магистрата⁴⁸.

Первое непосредственное указание на обложение посадских относится к 1722 году: 27 апреля 1722 года в Полном собрании законов датируется указ об их переписи и сборе по 40 алтын с души (1 руб. 20 коп.). Переписывать их должны были те же переписчики, что переписывали «уезды», то есть помещичьих крестьян:

⁴⁴ Там же. Глава VI (О определении магистратов и в них президентов).

⁴⁵ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. С. 326.

⁴⁶ ПСЗ РИ I. Т. 5. №3318. Ст. 19.

⁴⁷ Там же. Т. 6. №3898.

⁴⁸ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. С. 190.

«а им [посадским?] верстаться между собою городами по богатству, а за рекрут давать деньгами, положа, применяясь к земскому окладу, повсягодно»⁴⁹. По мнению А.А. Кизеветтера, это означало, что душевая норма была принята лишь как основание для исчисления налога со всего посадского населения, а не как единица взимания. Разверстать оклад предоставлялось самим посадским общинам «по богатству», как предлагал в своем проекте, поданном в Сенат, Главный магистрат. В действительности это произведено не было. Поэтому каждый посад вносил оклад по числу ревизских душ⁵⁰.

Окончательно решение об обложении посадских, или «купечества», 40-алтынным окладом было утверждено 27 сентября 1723 года резолюцией Петра на магистратские докладные пункты⁵¹. 19 мая 1724 года Петр указал Сенату собирать начиная с 1725 года с души по 74 коп. на содержание армейских и гарнизонных полков⁵². Изданным через 10 дней именным указом из Сената император определил, что подушные деньги, собираемые с купечества, идут на содержание артиллерии (армейскую и гарнизонную, жалованье, фураж и провиант). Поскольку сумма, положенная им на артиллерию, составляла 300.000 рублей, а весь оклад купечества едва переваливал за 200.000, то остальные деньги следовало получить «из остаточных четырехгривенных, которые положены на Государственных крестьян»⁵³. По имевшейся на тот момент у властей численности посадских, оклад с них составлял 203.311 руб. 20 коп. Поэтому оставшаяся сумма, необходимая на артиллерию, должна была составить 96.988 руб. 80 коп. из четырехгривенных, собираемых с «государственных крестьян» (то есть собрать по 40 коп. следовательно с еще 241.722 д.м.п.). Под последними, как следует из «Плаката» 19 июня 1724 года, подтвердившего установленные указом 19 мая 1724 года 74 коп. подушной подати, подразумеваются все, помимо владельческих и дворцовых крестьян (однодворцы, черносошные крестьяне, татары, яшашные, пашенные и «им подобные государственные крестьяне», которые «не за помещики»). Все они, платящие 74 коп. (а затем 70 коп.) подати, доплачивают 40 коп. с души «вместо тех доходов, что платят дворцовые во дворец, Синодского ведения в Синод, помещиковы

⁴⁹ ПСЗ РИ I. Т. 6. №3983.

⁵⁰ Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII века. М., 1903. С. 397.

⁵¹ ПСЗ РИ I. Т. 7. №4312.

⁵² Там же. №4503.

⁵³ Там же. №4517.

помещикам»⁵⁴. Купечество (то есть бывшие посадские) здесь не упомянуты как отдельная категория, однако и они относились к категории тех, кто «не за помещики». В октябре 1725 года Главному магистрату было велено представить в Сенат ведомость о сумме сорокоалтынного сбора, поступившего в течение текущего года на артиллерию, причем Сенат требовал указать, отосланы ли они уже на артиллерию или же «налицо обретаютца»⁵⁵. Главный магистрат исходил из данных, полученных им от губернских и провинциальных магистратов на тот момент. Очевидно, что к октябрю они могли собрать данные только по первой и второй третям 1725 года. Всего, сообщал магистрат, собрано 10.371 руб. 48 коп. Присланные сведения охватывали десять провинций Азовской, Санкт-Петербургской, Архангелогородской и Московской губерний⁵⁶, то есть уезды и провинции Центральной части России, откуда проще и быстрее было прислать сведения в Москву. В целом, Главный магистрат трезво смотрел на этот вопрос: «Коликое число по окладам з душ купечества всего Г[о]с[у]д[а]рства и порознь по правинциям надлежит быть в [нрзб], и что за показанным платежом в доимке о том за необстоятелною ведомостей присылкою, а ис прочих ничего ведомостей в присылке не имеется, Главному Магистрату ведать невозможно».⁵⁷ С этого момента стала складываться практика, когда при возникновении текущей недоимки штатс-контора была вынуждена из других доходов закрывать недостаток средств на финансирование артиллерии, ожидая уплаты недоимки (то есть появления физических средств)⁵⁸.

Практика сбора и распределения сорокоалтынных денег, как следует из этой ведомости, отличалась от сбора других видов подушных денег тем, что этот доход должен был поступить наличностью в штатс-контору, откуда уже распределялись по артиллеристским полкам. Другие доходы по подушной распределялись сразу по гарнизонам из губернских и провинциальных канцелярий. Ведомость, которая должна способствовать пониманию ситуации с сорокоалтынным обложением, больше характеризует финансово-бюрократический хаос в штатс-конторе. Так, например, недоимка по артиллеристским платежам за 1725 год, согласно ведомости,

⁵⁴ Там же. №4533.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Кн. 699. Л. 458.

⁵⁶ Там же. Л. 459.

⁵⁷ Там же. Л. 459–459 об.

⁵⁸ Там же. Л. 460 об.

составляла 290.566 руб. 44 коп.⁵⁹, однако неизвестно, каким образом эта сумма была сформирована и какую часть из них составляла недоимка по подушной. Как следует из ведомости, ассигновано к концу 1725 года было 10.677 руб. 10 коп., а получено из них 9433 руб. 56 коп.⁶⁰ Обращение к финансовым книгам центральных учреждений не позволяет помочь понять собираемость подушной подати на местах.

В 1730 году в феврале указом Анны Иоанновны на содержание артиллерии приграничных крепостей было назначено 70.000 руб., из которых половину Камер-коллегии было велено отпустить сразу же⁶¹. Ссылаясь на этот указ, военное повытье Сената в 1733 году на основе таблицы о приходе и расходе на артиллерию составило справку, согласно которой на тот момент оклад с купечества составлял 223.003 руб. 20 копеек, что соответствует 185.836 д.м.п. посадских (это больше, чем оклад посадского населения по сенатским данным 1728 года – 220.495 руб. 20 коп., а также по кабинетской ведомости 1738 года – 221.710 руб.). Сюда же шли недостающие до 300.000 четырехгривенные, которых сенат насчитал 82.218 руб. 80 коп., считая с сорокоалтынным окладом – 305.222 руб. Таким образом, в расчетах возникал даже излишек⁶². Сенат указывал, что «в артиллерию... много недосылки»⁶³, то есть имела место и другая проблема: суммы на артиллерию, полученные штатс-конторой, не высылались вовремя по крепостям и гарнизонам.

1.3. Оценка уплачиваемости подушной подати в историографии

В историографии делались попытки оценить как оклад посадских, так и уровень недоимки по подушной подати. Так, А. А. Кизеветтер опубликовал свои выводы в труде «Посадская община в России XVIII века», произведя подсчеты на основе ведомостей из фонда Сената⁶⁴. Число душ городского населения (по девяти губерниям – Московской, Санкт-Петербургской, Нижегородской, Казанской, Астраханской, Архангелогородской, Смоленской, Сибирской, Азовской и Киевской) по первой ревизии (к 1724 году) составило 169.426, с которых взималось по окладу 203.311 руб. 20 коп. На эти же данные опирался Милюков в своем

⁵⁹ Там же. Л. 467

⁶⁰ Там же. Л. 467.

⁶¹ ПСЗ I. Т. 8. №5505.

⁶² РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 387. Л. 317.

⁶³ Там же. Л. 318 – 318 об.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 713. (По делам Сената по разным предметам).

«Государственном хозяйстве», как приведено выше⁶⁵. По сводной сенатской ведомости 1738 года, представленной в Кабинет министров, распределение оклада между посадами было следующим: оклад со всего купечества (184.947⁶⁶) считался уже 221.710 р. 80 коп.⁶⁷ (ср. с 1728 годом: на 183.437 посадских 220.495 руб. 20 коп., согласно сенатским данным⁶⁸), в среднем, по подсчетам Кизеветтера, с посада это составляло 1.198 рублей. В ведомости 1738 года зарегистрировано 185 посадов, из них оклад с 64 посадов составлял более 1200 рублей, 36 – от 600 до 1.200 рублей, 62 – от 120 до 600 рублей, 23 – менее 120 рублей. Из тех 64 посадов, оклад которых превышал 1.200 рублей, 36 посадов уплачивали от 1200 до 2400 рублей, 23 – 2400–3600 рублей, 2 (Болхов и Олонец) – 4.800 и еще на три посада приходились наибольшие платежи – более 4.800 рублей: Москва – 16.407, Ярославль – 10.180, Калуга – 7.320 рублей⁶⁹.

По второй ревизии, по данным Кизеветтера, численность купечества и цеховых увеличилась до 210.341 душ, а оклад – до 232.409 рублей 20 коп. Однако неизвестно, откуда Кизеветтер взял эти данные. Согласно данным ведомостей второй ревизии (на 1747 год), опубликованным в 1972 году, численность купечества к концу второй ревизии составляла 205.734 д.м.п., обложенных сорокоалтынным окладом, еще 3.561 д.м.п. составляли купечествующие крестьяне (для первой ревизии по причине отсутствия соответствующего законодательства нет данных о крестьянах, записавшихся в посад, поэтому 1 руб. 20 коп. помножены на число душ посадских для получения суммы оклада; 3561 д.м.п. составляли 1,7% от посадского населения⁷⁰). В результате подушный оклад с посадов составил 246.880 руб. 80 коп., к которым добавлялись 1780 руб. 50 коп. с торгующих крестьян. Отметим, что начиная с 1737 года взимались еще накладные 2 коп. с рубля. Число облагаемых посадов также возросло по сравнению с первой ревизией: с 185 до 201. Из них 72 платили более 1200 рублей, 39 – от 600 до 1200 рублей, 66 – от 120 до 600, 24 –

⁶⁵ См. прим. выше.

⁶⁶ См.: Генеральная, учиненная ис переписных книг, о числе мужеска полу душ табель (1738) / Публ. В.М. Кабузан, Н.М. Шепукова // Исторический архив. 1959. №3. С. 130–165, зд.: С. 163; см. то же в: Переписи населения России. Вып. 2. Докл. №1. М., 1972. С. 35.

⁶⁷ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 435. Если следовать самой ведомости, опубликованной в 1959 году, то оклад составит 221.936 руб. 40 коп. (184.947 x 1 руб. 20 коп.). Почему у Кизеветтера подсчитано на 200 руб. меньше, неясно.

⁶⁸ Там же. С. 435.

⁶⁹ Там же. С. 435–436.

⁷⁰ Миронов Б. Н. Русский город в 1740 – 1860-е годы. Л., 1990. С. 102.

менее 120 руб. Из плативших наибольший оклад посадов 42 платили 1200—2400, 18 – 2400—3600, 9 – 3600—4800 и по-прежнему три посада более 4.800 рублей⁷¹.

По мнению Кизеветтера, «затяжной, хронический характер недоимочности по подушному сбору» выявился сразу, уже в 1726 году. Уже в 1726–1727 годах посадские общины начали оправдывать недоимку «скудостью и разорением», неурожаем и, как показывают изученные им дела Главного магистрата, другими неожиданными бедствиями. С другой стороны, власти сразу решили, что вопрос о недоимке можно решить посредством репрессий⁷². По подсчетам А. А. Кизеветтера, недоимка во второй половине 1720-х годов в некоторых местах достигала 100% (например, в семи провинциях Московской губернии в 1725–1727 годах)⁷³, после проведения II ревизии количество окладных душ и настоящих плательщиков было приведено в соответствие, и уровень недоимочности упал, а вместе с ним – и необходимость репрессивных мер. Сравнительно с первой ревизией, сборы были упорядочены, писал Кизеветтер, но подушная подать сохраняла свою «тягостность», а недоимка «сохраняла почтенные размеры»⁷⁴.

Как показывают результаты проведенных подсчетов, результаты, полученные Кизеветтером, были неверны⁷⁵. Он пользовался найденными им в фонде Сената (кн. 713) данными, которые относятся к 1724–1727 годам, то есть первым годам, когда начислялась подушная подать. Система в этот момент еще не набрала обороты и функционировала разлаженно. Приведение практики сбора подушных в соответствие с законодательством произошло не ко второй ревизии, а значительно раньше. Его же данные показывают⁷⁶ (с. 438–439), что недоимка снижается к 1739 году. Кроме этого, в 1727 году произошла сбавка одной трети годового оклада⁷⁷ за этот же год, которая не учитывалась в окладе, но учтена Кизеветтером, отчего и размер недоимки, показанной им в его работе, вырастает⁷⁸. Поскольку практика

⁷¹ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 436–437.

⁷² Там же. С. 445–446.

⁷³ Там же. С. 439.

⁷⁴ Там же. С. 449.

⁷⁵ См.: Корчмина Е. С., Федюкин И. И. Собираемость подушной подати в середине XVIII века: к вопросу об эффективности государственного аппарата в России в исторической перспективе // Экономическая история. Ежегодник. 2014 (в печати).

⁷⁶ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 438–439.

⁷⁷ ПСЗ I. Т. 7. №5010.

⁷⁸ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 440–441.

реализации этого указа не прописывается, могла возникать даже переплата, как это произошло в случае Свияжской и Тобольской провинций⁷⁹.

О том, что обложение подушной по первой ревизии было «крайне беспорядочным», писал еще в XIX веке И. П. Руковский⁸⁰, однако никаких выводов в направлении пересмотра имеющихся данных исходя из этой предпосылки прежде не делалось. Возникновение недоимки было неизбежным вследствие этого «беспорядка». 100%-ная недоимка не была связана с фактической неуплатой налога (или невозможностью его уплаты) общиной, но с системными сбоями. Впоследствии эти недоимки были уплачены⁸¹, в том числе теми уездными городами, где Кизеветтер указывает 100% недоимку за 1725 и 1726 годы (например, Елец, Тамбов)⁸². Даже там, где она сохранялась в течение длительного времени, недоимка не была катастрофической, как это изобразил историк. Так, например, по первой ревизии с купечества Московской провинции к 1739 году недоимки числилось 16.182 руб. 74 коп⁸³. Годовой оклад Московской провинции составлял 26.979 руб. 60 коп. (22.483 посадских⁸⁴). Таким образом, недоимка 16.182 руб., являясь кумулятивной, в действительности составляет около 4% от оклада за 14 лет с 1724 по 1738 год. Это свидетельствует о том, что система сбора упорядочилась, а Кизеветтер не сумел уйти от логики сенатской ведомости, в которой поступление средств отражалось с запаздыванием. Этот пример говорит в пользу сделанных в работе Е. С. Корчминой и И. И. Федюкина выводов о том, что хроническая недоимочность в России XVIII века является ошибочным представлением. Средний уровень недоимки для сорокоалтынного платежа составлял 11%, а медианный и вовсе приближался к нулю⁸⁵. По большинству регионов недоимочность по сорокоалтынному окладу была нулевой, что означает, по мнению авторов, что купечество платило очень хорошо. Среднее значение значительно больше нуля потому, что буквально в нескольких регионах недоимочность по неизвестным

⁷⁹ Там же. С. 442.

⁸⁰ Руковский И.П. Историко-статистические сведения о подушных податях. СПб., 1862. С. 128–129.

⁸¹ Корчмина Е.С., Федюкин И.И. Указ. соч. (в печати).

⁸² Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 444 (Елец, Тамбов, Бахмут).

⁸³ Там же. С. 448.

⁸⁴ См.: Ведомость о численности, сословном составе и поуездном размещении податного и части неподатного населения России (1738 г.) // Переписи населения России. Вып. 2. Докл. №1. С. 1.

⁸⁵ См.: Корчмина, Федюкин. Указ. соч.

причинам была очень высокой⁸⁶ (в том числе, например, в Солигаличском уезде, о котором речь пойдет ниже). В целом, делают выводы авторы, купечество лучше всех других категорий уплачивало подушную подать⁸⁷. Правительству, полагают авторы, удалось обеспечить собираемость прямого налога, приближающуюся к полной, при этом реальная недоимка колебалась обычно в пределах 1–3%. И даже она объясняется не системной неуплатой, а форс-мажорными обстоятельствами⁸⁸ (см., например, ниже, материал о недоимке по Боровску в 1730-е годы).

Пример того, как уплачивалась текущая (реальная) недоимка при обычных, не форс-мажорных обстоятельствах, находим в фонде Брянской ратуши и магистрата. Согласно февральской ведомости 1742 года, недоимка по сорокоалтынному сбору за декабрь 1741 года в 80 руб. была собрана в течение января текущего года. Также за январь была собрана доимка и за другие месяцы, всего 275 руб. 22 коп.⁸⁹ При этом недоимка на весь 1741 год к началу 1742 года составляла 343 руб. 20 коп., а о недоимке за прошлые годы здесь вообще нет сведений, что можно считать свидетельством ее отсутствия. Учитывая, что оклад по брянскому посаду составлял 1.254 руб. 60 коп., недоимка приближалась к четверти оклада, что представляется весьма значительной суммой. В действительности же оставшиеся 68 руб. от недоимки за 1741 год были собраны в течение февраля 1742 года⁹⁰, и в марте в ведомости о сборе подушных денег недоимка на 1741 год уже не показана за ее отсутствием⁹¹. Тем не менее, даже такое небольшое отставание могло привести к тому, что физически эти деньги могли оказаться в штатс-конторе еще через несколько месяцев, и еще позже – достичь цели, то есть быть распределенными на артиллеристские нужды. Добавим, что за 1742 год с 1 января по 1 мая сборщики показывали у себя «в сборе» уже 500 рублей из оклада в 1.254 руб. (на тот момент сбор с купечества составлял 1 руб. 10 коп.), то есть чуть менее половины суммы за четыре месяца⁹².

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 713. Оп. 1. Д. 1092. Л. 3.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 713. Оп. 1. Д. 1092. Л. 8.

⁹¹ Там же. Л. 10.

⁹² Там же. Л. 11 и след.

1.4. Система ответственности за сбор

Создавая систему ответственности за сбор подушной подати в посадах, правительство, очевидно, использовало уже существовавшую и оправдывавшую себя уже более столетия схему ответственности посадской общины за казенные сборы. Поэтому и здесь правительство пошло традиционным путем, когда ответственными перед властью считались не отдельные тяглецы, а целые миры, отбывавшие перед государством повинности на началах круговой поруки⁹³. Поэтому ответственность за сбор податей и за последующую недоимку возлагалась на посадское начальство – магистрат и ратманов, для сбора подати выбирали особых сборщиков, а каждый посадский вносил причитающуюся с него при раскладке долю подушной. От ответственности за недоимку не был свободен никто: ни посадское начальство, ни сборщики податей, ни отдельные недоимщики, ни вся община целиком. Кизеветтер связал эту ответственность со способом возникновения недоимки⁹⁴: или с поселения не поступало полного оклада в казначейство (по приходной книге), или сборщик не поставлял туда всей собранной суммы, при том, что плательщики имели на руках квитанции об уплате. Тогда недоимщиком считался сборщик, и он (или его родственники или наследники) должен был «очистить начет». При отсутствии или несостоятельности наследников отвечала уже община через выборщиков, избравших сборщика подушной подати.

В случае же недоплаты посадом по окладу, то есть настоящей недоимки, порядок взыскания был различен. По мнению Кизеветтера, это зависело от местных традиций, и здесь большую роль играл мирской сход. Власть, со своей стороны, желала иметь дело с наиболее платежеспособными членами общины, а не с теми, кто именно запустил недоимку, и пыталась заменить индивидуальную ответственность групповой, то есть возложить ее уплату на бурмистров, в т.ч. прошлых лет, и первостатейное купечество. Сход, который, напротив, усиленно отбивался от круговой поруки, своим решением мог возложить уплату на конкретных неплательщиков прошлых лет, причем имущество бурмистров, при которых была запущена недоимка, а также сборщиков и ходоков, переписывалось. В случае, если не удавалось взыскать средства с самих неплательщиков, ответственность перекладывалась на бурмистров, в случае несостоятельности которых недоплату покрывало первостатейное купечество, но с правом, означенным в тексте приговора,

⁹³ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 450.

⁹⁴ Там же.

отобрать за это в свою пользу дворы с землей, огороды и пожитки сборщиков, ходоков и бурмистров. Так мирской сход заменил предписанную властью групповую ответственность индивидуальной. Итак, возможны были два способа взыскания недоимки: групповой и индивидуальный. В первом случае недоимка раскладывалась на всех членов посада по их «пожиточности». Во втором случае недоимка выколачивалась в прежних размерах и по раскладкам недоимочного года, то есть платили по начету лишь те лица, которые именно и запустили уплату своих долей. Если центральные власти предпочитали первый способ, то мирские сходы, предводительствуемые первостатейными купцами, – второй. Первый способ гарантировал более быстрое и надежное погашение недоимки⁹⁵.

Из документов местных учреждений (РГАДА) видно, что для самого посада не играло существенной роли, выборных по какой именно службе – сборе подушных или по казенным службам – посадским следовало выставить. По такому же принципу работала укоренившаяся система казенных сборов и недоимок по ним. В делах о сборе «подушной доимки» недоимка по таможенным и казенным сборам перечисляются в одном ряду. Очевидно, что сами посадские не выделяли подушную как особый налог, требующий специальных процедур сбора и контроля. И причиной тому, и следствие этого подхода – схожесть в порядке сбора установленных заранее норм обложения посада (в случае казенных сборов – вперед на год, подушных – вплоть до следующей ревизии). На практике купцы, имевшие возможность откупиться от службы, пользовались совершенно законно этой привилегией. По указу 11 августа 1731 года⁹⁶, купцы, избранные «в службу» (какую именно, не уточнялось, однако очевидно, что сбор подушных выступал наравне с другими купеческими повинностями), в случае нежелания служить самим могли «представить вместо себя из купечества достойного и порядочного человека». Ответственность при этом оставалась на выборном⁹⁷.

Система выборов ответственных за подушную подать ничем не отличалась от выбора лиц, ответственных за другие типы сборов. Они поставлялись сходом или, реже, выборщиками. Выборные купеческой общины должны были, как отмечает Е.Н. Наседкин в своей диссертации, посвященной казенным службам московского

⁹⁵ Там же. С. 451–453.

⁹⁶ Отсутствует в ПСЗ 1, однако на первую половину августа 1731 года приходится целый ряд опубликованных в Собрании указов, касающихся казенных служб, прежде всего соляной.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 713 (Брянская ратуша и магистрат). Оп. 1. Д. 643. Л. 2.

купечества в 1720–1730-е годы, отвечать ряду требований: быть грамотными, чтобы справляться с документацией, быть зажиточными, чтобы отвечать за поступления в бюджет. Кроме того, по мнению властей, зажиточный купец был менее склонен к воровству, и взыскать вероятную недоимку с него было проще. Выбирая сборщиков, купеческие старосты, проводившие выборы, своей подписью удостоверяли, что выбранный ими «человек добрый, пожиточный и грамоте владеющий», то есть брали на себя и на свою общину материальную ответственность за деятельность выборного. Норма о взыскании недоимки с посредственного виновника или его наследников и разверстания, оставшейся суммы на выборщиков и всю общину перешла из предшествующего столетия⁹⁸. Наседкин указывает в отношении изученных им выборов в казенные службы, что не обходилось без жестких полицейских мер, поскольку община сопротивлялась, выбирая ответственными лицами явно не пригодных к казенным службам людей (пьяниц, тяжелобольных). Некоторые выборные сопротивлялись, отговаривались состоянием здоровья, бежали. Распространена была практика выборов людей, уже задолжавших пред казной за предыдущую службу, нарушались служебные очереди⁹⁹. Никаких сведений о выборе сборщиков, рассыльщиков и ходоков по подушной подати пока не обнаружено, но очевидно, что эта ответственность не была добровольной, часто могла быть принудительной и совершенно точно – разорительной для собственного хозяйства выборных. В делах Брянского магистрата сохранилось дело о выборах ответственных за сбор подушных денег – окладчика и двух сборщиков в 1735 году. Выборы происходили 29 января, на общем сходе всего купечества, в один день с выборами счетчиков приходных и расходных книг по брянской таможене, результаты выборов записаны в разные протоколы, но с общей формулировкой: «и того ради что они люди добрые и к тому делу обыкновенные за том мы оным [указываются имена] верим и подписуемся»¹⁰⁰ и сопровождаются подписями всего присутствовавшего купечества¹⁰¹. Добавим, что выбранных в январе окладчика и сборщиков подушной бурмистры брянской ратуши в марте назначили к раскладке подушных денег¹⁰².

⁹⁸ Наседкин Е.Н. Казенные службы московского купечества в 20–30-е гг. XVIII в.: Автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук (07.00.02). М., 2011. С. 14.

⁹⁹ Там же. С. 15.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 713. Оп. 1. Д. 643. Л. 3, 4.

¹⁰¹ Там же. Л. 3–3 об., 4–4 об.

¹⁰² Там же. Л. 1 об.

1.5. Способы взыскания недоимки с посадских

В начале 1736 года на солигаличском купечестве обнаружилась «великая доимка» в 7.124 руб. 95 коп. Согласно Кабинетской ведомости 1738 года, численность населения Солигалича, относившегося по первой губернской реформе к Галичской провинции Архангелогородской губернии, составляла 871 д.м.п.¹⁰³ Это была кумулятивная недоимка, возникшая, по нашим подсчетам, в 1724 году («на прошлые и на тот 1735 год»). Оклад с города, по данным воеводской канцелярии, составлял 1.065 руб. 60 коп. Средняя недоимка по Солигаличу была выше, чем в целом по России, составляя в среднем за год 53% в период с 1724 по 1740 год включительно, притом, что в целом по России уплата подушной купечеством приближалась к 100%¹⁰⁴. Военная коллегия в своем доношении в Сенат прямо возлагала ответственность за недоимку на солигаличского воеводу Игнатия Коржавина. Поскольку эта недоимка числилась по артиллеристскому окладу, то канцелярия артиллерии и фортификации требовала через Военную коллегию взыскать эти деньги или «учинить по указу» «с воеводою Коржавиным», который эту недоимку запустил. Вообще же, сообщала канцелярия, «при артиллерии чинится в денежной казне весьма недостаток», поскольку артиллеристская недоимка числится по многим провинциям и уездам¹⁰⁵. Военная коллегия повелела взыскивать эту недоимку архангелогородскому губернатору и галицкому воеводе «без всякого послабления и дальнего упущения», причем штаб-офицеру, обретающемуся в провинции у подушного сбора, было велено понуждать воеводу к сбору недоимки под опасением «тяжкого штрафа». Также Военная коллегия испрашивала повеления Сената относительно самого архангелогородского губернатора и лично провинциального воеводы в связи с тем, что они «запустили» «такую великую доимку»¹⁰⁶. В 1738 году судиславльский воевода поручик Афанасий Немецкой расписался в полной неспособности собрать положенную «на артиллерию и фортификацию» недоимку с «обывателей [и] разночинцев» этого города Костромской провинции¹⁰⁷.

¹⁰³ Корчмина Е.С., Федюкин И.И. Указ. соч.

¹⁰⁴ См.: Там же.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Кн. 390. Л. 406.

¹⁰⁶ Там же. Л. 406 об.

¹⁰⁷ Там же. Кн. 387. Л. 505.

Спорные дела о взыскании недоимки с отдельных лиц разбирались в Москве, в Главном магистрате (после его восстановления в 1743 году). Дела по челобитным, написанным купечеством, попадали на рассмотрение в Сенат. На местах в сборе подушной подати ратуши и магистраты состояли в подчинении у воеводских провинциальных канцелярий. Время от времени канцелярии издавали указы о подсчете недоимок за все прошедшие годы, начиная с 1724 года. Например, в 1737 году Серпуховская воеводская канцелярия издала указ о присылке «чрез три дни» «с начала подушного сбора с купечества» сведений, «что по окладу взять надлежало». Способ воздействия был стандартный: «и пока заплатят самих ратуских бургомистров и старост держать в ратушах скованных без всякого послабления»¹⁰⁸.

Органы городского самоуправления (обычно магистраты) вступали в конфликты с провинциальными воеводскими канцеляриями, как показывают документы Сената по Военной коллегии, поэтому нельзя слепо следовать утверждениям, характерным для дореволюционной и унаследовавшей многие ее тенденции западноевропейской и англо-американской историографии, что магистраты были несамостоятельны, выполняя лишь фискальные функции (опровергнуть это утверждение в отношении самого Главного магистрата пока невозможно). Это положение определенно требует пересмотра. Очевидно, что такой взгляд на магистраты был выгоден самому государству, и противопоставить ему историк может только исследование местных фондов магистратов и ратуш, а также отдельных спорных и конфликтных случаев, дела о которых хранятся в других архивах (например, в фонде Главного кriegс-комиссариата в РГВИА). Могли ли магистраты и ратуши действовать независимо от других органов власти, защищать своих сограждан или противиться незаконным, по их мнению, действиям воеводских канцелярий и провинциальных магистратов? Так, например, к началу 1745 года, на втором году второй ревизии, на купечестве Белозерска накопилась недоимка в 395 руб. 19 коп. Если эта недоимка считалась по первой ревизии с 1724 года, то недоплата за все 20 лет была, в сущности, мизерной. Однако она вызвала конфликт между ратушей Белозерска и провинциальной канцелярией. Главный комиссариат доносил в начале 1745 года в Сенат, что, согласно рапорту офицера при подушном сборе в Белозерске поручика Ирецкова, белозерский бурмистр Акинин, когда было потребовано уплаты этой суммы, «ратушским служителем кричал необычно и сказал, что белозерской провинциальной канцелярии не слушает, с ним порутчиком в

¹⁰⁸ Там же. Ф. 770. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.

белозерскую провинциальную канцелярию не пошел и учинился противен»¹⁰⁹. На устюжском купечестве (Белозерская провинция) к концу 1744 года также накопилась недоимка, но какого размера, не уточняется: согласно рапорту офицера полкового квартирмейстера Сологубова, «асигнованных на вторую того 1744 года половину с тысячи девяти сот душ [1.900] подушных сороко алтынного збору денег немалое число»¹¹⁰, за которыми он неоднократно посылал в устюжскую ратушу и провинциальный магистрат, но ничего не добился. Очевидно, что ведомости о суммах, собранных с купцов, не доходили вовремя, что создавало у современников впечатление о массовой неуплате подати¹¹¹. Главный комиссариат просил Сенат распорядиться о наказании «экземплярным штрафом» купечества «за упрямство в платеже подушных», как это делается в отношении других групп населения: «как и на протчих неплательщиках подушные денги взыскиваются в случае нужды и упрямства з задержанием под караулом»¹¹². Таким образом, выборные магистратские и ратушские служители даже могли «удостоиться» типа наказания, применимого для назначаемых представителей государственной администрации. Однако Сенат не пошел дальше традиционного способа получения недоплаченных денег: 4 и 10 июня 1745 года в Главном комиссариате и в Главном магистрате был получен указ из Сената «об отдаче в указные сроки бездоимочно и о держании под караулом за неплатеж подушной доимки белозерского магистрату и устюжской ратуши бургомистров с товарищи»¹¹³. Никаких особых наказаний для них не предусматривалось. В сенатском указе в Главный магистрат по представлению Главного комиссариата прямо указывалось, что купцы «чинят послушание» в уплате подушных¹¹⁴.

14 августа 1745 года из Главного магистрата в Сенат был отправлен рапорт о «должном исполнении» сенатского указа от июня 1745 года, подписанный президентом Главного магистрата Иваном Вихляевым¹¹⁵. Однако между самим указом и рапортом о его исполнении – переписка и Главного комиссариата, и Главного магистрата с Сенатом, в которой один требовал уплаты, а другой рапортовал сообщениями о содержащихся «под караулом» или «в цепях»

¹⁰⁹ Там же. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 429. Л. 414 – 429, зд. л. 415.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же. Л. 415 об.

¹¹² Там же. Л. 416.

¹¹³ Там же. Л. 423, 424.

¹¹⁴ Там же. Л. 425.

¹¹⁵ Там же. Л. 429.

магистратских членах. Из промеморий Главного комиссариата от ноября 1744 и февраля 1745 года стало известно, что, к тому же, елатомское купечество «огурством¹¹⁶ и упрямством своим по знанию торгов и пожитков между собою подушной доимки не роскладывают, а збирают платеж по прежним розметкам и то по самому малому числу и требовано»¹¹⁷. Недоимка, имевшаяся на романовском купечестве, 390 руб. 80 коп., «на романовской ратуше взыскивалось со всякой прилежности»; а вот из Чухломской ратуши денег на первую половину 1744, и на прошлые годы, несмотря на посланные две промемории, так и не поступило, по крайней мере, по сведениям Главного магистрата. От него воеводская канцелярия требовала подтверждения ратушам «с показанием» елатомского, чухломского и романовского купечества, на котором числится недоимка, о платеже «о зборе по силе указов по окладом на указные сроки сполна». Из доношения Елатомской ратуши Главному магистрату было известно, что касимовский провинциальный воевода Василий Ховрин применял меры воздействия не только по отношению к бурмистру Елатымы и других служителям ратуши, но и к самим неплательщикам: «как неплателщиков так и бургомистра с товарищем и протчих правых людей ис той доимки в Елатме и в Касимовской канцеляриях содержал под караулом в цепях и в колотках без выпуску, а потом всех неплателщиков ис под караула ис канцелярии освободил и в том неплателщиком учинил великое послабление»¹¹⁸. Елатомская же ратуша никакого послабления неплательщикам не чинила, сообщается в рапорте, однако вызывает вопросы, как она могла осуществлять давление, если сами ратманы и бурмистр находились «под караулом». На елатомском купечестве числилось 1.426 рублей недоимки (при численности купечества в 1725 д.м.п.¹¹⁹, то есть годовом окладе 2.070 руб., считая за 20 лет, это составляет 3,4%), при этом на двух елатомских купцах – серных заводчиках – числилось 730 руб. 72 коп. и 59 руб. 80 коп. По величине этих сумм видно, что они не считались в недоимку собственно с посада, поскольку заводчики платили подушные за приписных к своим заводам крестьян. Несмотря на то, что заводчики неоднократно оказывались в касимовской воеводской канцелярии в связи с неуплатой недоимки, однако, как сообщал Главный

¹¹⁶ То есть по непослушанию, упрямству. См.: Огурство // Словарь русского языка XVIII века / Институт русского языка РАН. СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992—... — Зд.: Вып. 17: Оный – открутить.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 429. Л. 425 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 426.

¹¹⁹ Ведомость о численности, сословном составе и поуездном размещении. С. 26.

магистрат, «для чего та касимовская канцелярия с них доимки не взыскивала и не взыскав свободжала, о том Елатомская ратуша не известна». По всей видимости, купцы Дмитрий Милованов и Иван Семизаров умели «задобрить» провинциальное начальство. Заводчики отказывались платить причитающуюся с них подать, будучи «к платежу в состоянии», по всей видимости, в связи с тем, что не хотели платить за других, менее состоятельных членов городской общины. Ратуша, хотя это была личная ответственность заводчиков, за которую посад не нес ответственности, была заинтересована в уплате этой недоимки, принимая меры вплоть до отправки доношений в Главный магистрат: «...и о том от Главного магистрата она Елатомская ратуша требовала указу»¹²⁰. Упущение по взысканию с купцов этой недоимки ратуша списывала на воеводскую канцелярию¹²¹, сама она, как представляется, не имела никаких инструментов, чтобы воздействовать на «первостатейных» неплательщиков. Главный магистрат поставил срок в две недели на взыскание недоимки с елатомского, романовского и чухломского купеческих обществ¹²². Тем же указом Главного магистрата было велено не только строжайшим образом взыскать упоминавшуюся выше недоимку с белозерского и устюжского купечества, но и объяснить причины, по которым она оставалась несобранной¹²³.

Если заковывание «в железа» и посажение «на чепь» бургомистров и ратманов были стандартными способами взыскания недоимки с посада или города со стороны вышестоящих властей, то городские /посадские органы власти применяли тот же способ к своим согражданам. Так, в 1747 году в Серпуховском магистрате разбиралось дело из-за предполагаемой неуплаты недоимки копиистом каширской таможни Дмитрием Федоровым Поповым, о чем известно из челобитной, которую он отправил в Московский магистрат на ратманов Каширской ратуши Нефёда Воронина и Тимофея Осина. Он был посажен ими «на чепь» с требованием уплаты, по его словам, «вторичных подушных денег». Действительно ли был он должен этих денег, или это было лишь акт мести со стороны Воронина и Осина: у отца Попова были «многие ссоры» с двоюродным дядей ратмана Осина – Калиной Осиным. На эту челобитную в Каширу был прислан приказ из Московского магистрата разобрать ссору Попова-старшего с Калиной Осиным, а Дмитрия отпустить. Однако ратманы «пуще» приказали посадить Попова на цепь и били, по

¹²⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 429. Л. 426 об.

¹²¹ Там же. Л. 427.

¹²² Там же. Л. 427–472 об.

¹²³ Там же. Л. 427 об.

его словам, «смертным боем незнамо за что от которого их бою н[ы]не я именованный едва жив и содержусь донести [доныне] под караулом без выпуска безвинно мучительно напрасно»¹²⁴. Кроме того, ратманы посылают «ломать ворота, а у хором двери и окна», чтобы схватить его мать и жену, чтобы их тоже держать под караулом и «вымучивать» вторично подушные деньги. К своему прошению в московский магистрат он приложил копии квитанций «разных годов» об уплате подушных, а другие, утверждал он, сгорели во время пожара в его доме в 1746 году¹²⁵. Московский магистрат приказал исследовать дело Серпуховскому магистрату, поскольку в Каширской ратуше других ратманов, кроме тех, что преследовали Попова, не имелось. Попова же разрешено было освободить под расписку на время следствия¹²⁶. Этот указ был послан в июле 1747 года.

Ратманы Нефедов и Осин также обратились с челобитной в Московский магистрат. Они изложили историю с самого начала: в 1723 году отец Попова с братом и детьми записались по первой ревизии из церковных причетников в Каширский посад, а в 1726 году отец с братом были выключены из подушного оклада в своей деревне в Каширском уезде¹²⁷, в 1728 году – и молодое поколение, то есть Дмитрий, его родные и двоюродные братья. Все подушные деньги, утверждают ратманы Нефедов и Осин, в деревне по 1727 год были уплачены «бездоимочно», а также и в Каширском посаде по 1747 год, «о чем всему коширскому купечеству известна и значить в окладе коширского купечества подушного збору книгах». Факт содержания Попова «в железах» в ратуше с марта по 18 апреля 1747 года и требование с него вторичной уплаты подушных с 1724 года со всех его родственников (24 рубля, 5 рублей 29 коп. рекрутских, драгунских 17 коп., итого 29 рублей 46 коп.), включая дядю и двоюродных братьев, они отрицали. Из их доношения видно опасение за то, что, держа Попова «в железах», они чинят препятствия исполнению им его обязанностей по таможенным и кабацким сборам, «отлучая» его от них «напрасно»¹²⁸.

Призванные в каширскую ратушу выборные старосты, собиравшие подушные деньги в 1737 и 1738 годах, все отрицали: один не помнил, его ли руки подписать на расписке о приеме денег, другой утверждал, что вообще не давал расписок, третий

¹²⁴ Там же. Ф. 770. Оп. 3. Д. 14. Л. 4–4 об.

¹²⁵ Там же. Л. 4 об.

¹²⁶ Там же. Л. 3.

¹²⁷ Там же. Л. 5.

¹²⁸ Там же. Л. 5 об. – 6.

не мог вспомнить «за прошедшим временем», собирал ли он подушные с Попова¹²⁹. Квитанцию об уплате подушных, выданную бурмистром Ермилом Чертовым, к тому моменту принявшим постриг, ратманы Нефедов и Осин объявили и вовсе подложной, поскольку бурмистры выбираются для «отправления государственных дел», а для сборов подушных денег есть выборные старосты¹³⁰. 5 марта 1747 года в Каширской ратуше каширские купцы [404 человека?], собравшись, подписали приговор: за 4 души – отца Дмитрия Федорова Попова, его брата Исаю с сыном Афанасием и некоего Семена Свечникова, заплатить все подати сполна с момента принятия их в купечество в 1727 году по 1747 год, а с Дмитрия Попова «править» за него самого и за две души умерших его братьев¹³¹. Таким образом, купеческое общество не только не признало факт уплаты подушной подати семьей Поповых за 1724–1727 годы, но и отрицали уплату подушных за все годы, что они были приписаны к посаду – до 1747 года. Неясно, когда умерли братья Дмитрия Попова: если их не было в живых ко второй ревизии, то за них требовалась уплата податей лишь до 1744 года. В сентябре 1747 года дело было отдано на расследование в Серпуховской магистрат¹³².

В фонде севской ратуши обнаружилось дело 1749 года о взимании подушного оклада за текущий год. Год едва успел начаться, как провинциальная канцелярия отправила в провинциальный магистрат промеморию с требованием начать сбор подушных на первую половину года. В датированной 16 января промемории канцелярия требовала бурмистров «ко взысканию с них тех подушных днг сыскать», угрожая «пока они на первую сего 1749 году половину заплатят, держать под караулом без выпуску»¹³³. Как видно из документов Брянского магистрата, рассмотренных ниже, даже при благоприятных обстоятельствах сбор подушных денег за первую половину никак не мог завершиться в январе-феврале: в эти месяцы взимались недоимки за предыдущий год и только начинался сбор за текущий. В следующей своей промемории в провинциальный магистрат 22 февраля 1749 года провинциальная канцелярия настаивала, что срок («термин») для уплаты подушных на первую половину года уже наступил¹³⁴.

¹²⁹ Там же. Л. 47–48.

¹³⁰ Там же. Л. 47 об.

¹³¹ Там же. Л. 28.

¹³² Там же. Л. 25 об.

¹³³ РГАДА. Ф. 769. Оп. 1. Д. 446. Л. 20.

¹³⁴ Там же. Л. 23.

Формально провинциальная канцелярия была права: по указу 12 декабря 1731 года подушные, при сохранении системы дистриктов с полковыми квартирами, ответственными полковниками и земскими комиссарами, взимались в два срока вместо прежних трех: первый – с января по март, а второй – «с половины сентября по декабрь». Также создавался институт генерал-кригс-комиссара¹³⁵. После этого, в 1736 году, указами от 26 января¹³⁶ и 24 мая¹³⁷, схема сбора подушной подати была вновь изменена и оставалась уже актуальной вплоть до екатерининской губернской реформы: комиссариат соединяли с Военной Коллегией, а все виды подушного сбора отныне были в ведении офицеров при подушном сборе, которые комплектовались из отставных военных по одному-два человека в зависимости от обширности уезда. Такая схема действовала как раз во время происходивших в Севской провинции событий.

Промеморию, в основе которой лежал указ вице-президента Военной коллегии и генерал-кригс-комиссара, президент севского провинциального магистрата Михайла Шереметцев, бургомистр Степан Шереметцев и ратман Михайла Зайцев без всяких возражений приняли к исполнению. Единственный и самый простой инструмент, имевшийся у них в руках, – давление на сборщиков, что они немедленно и реализовали¹³⁸.

Сборщики, выборные купеческой общины, таким образом, оказались заложниками двойной ответственности: и своим имуществом, и своей свободой и здоровьем. Им грозили заключением и пытками в случае немедленной неуплаты, в то время как к заключению под караул (не говоря уже об истязаниях, - и это единственный случай угрозы пытки в случае неуплаты подушных среди рассматриваемых дел местных органов власти) прибегали обычно в случае затяжной неуплаты недоимки. С другой стороны, члены провинциального магистрата отлично понимали, давая это распоряжение, что следующими ответственными после сборщиков являются они сами, и в их интересах было обеспечить сбор любыми средствами, пусть и с помощью угроз и даже их реализации. По всей видимости, магистрат сумел обеспечить сбор подушных за первую половину в начале года, потому что затем, 11 сентября 1749 года, севская провинциальная канцелярия распорядилась начать сбор «подушных семи и четырехгривенных и с купечества

¹³⁵ ПСЗ 1. Т. 8. №5904 (Инструкция Генеральному кригс-комиссариату). П. 2.

¹³⁶ Там же. №6872.

¹³⁷ Там же. №6976.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 769. Оп. 1. Д. 446. Л. 24 об.

сорокоалтынных денег», а также вообще «доимки», по городам Севской провинции за вторую половину года с 15 сентября и прислать их в канцелярию «немало не мешкав»¹³⁹. 6 ноября 1749 года севский сборщик Алексей Дедов расписался в том, что принял 533 руб. 66 коп. и 2/4 для отправки в провинциальную канцелярию¹⁴⁰. Указание на местного сборщика говорит о том, что эта сумма относилась к самому городу Севску, в котором числилось, согласно второй ревизии (данные на 1747 год), 795 д.м.п.¹⁴¹ а не его провинции (в которой насчитывалось 5969 д.м.п.¹⁴²). Таким образом, собранные деньги составили 56% от суммы годового оклада, то есть подушная подать за 1749 год была уплачена в срок бездоимочно.

Воеводская провинциальная канцелярия города Балахны начала требовать уплаты подушных за первую половину 1755 года уже в конце декабря 1754 года. 31 января 1755 года она направила в городской магистрат новую промеморию. В ней она напоминала, что «подушных д[е]н[е]г и пон[ы]не чрез таковое много продолжительное время ... в платеж от онаго магистрата не произведено». Между тем, из Нижегородской губернской канцелярии в провинциальную канцелярию 28 января поступил указ о сборе подушных за первую половину текущего года «с крайним старанием бездоимочно под опасением в случае неисполнения неотменного по указам штрафа», чем и была вызвана отправка новой промемории¹⁴³. Очевидно, что провинциальная канцелярия хотела отчитаться сбором денег со своей провинции уже в январе. Ратманы Балахны, получив промеморию 3 февраля, отправили указ о «бездоимочном» сборе за первую половину земским старостам¹⁴⁴.

Деньги, однако, в воеводскую канцелярию не поступили¹⁴⁵. В чем именно могло и должно было состоять «принуждение», в инструкции не указывалось. Очевидно, это оставалось на усмотрение нарочного, хотя одно его присутствие в городе «на коште» местного купечества должно было иметь свое определенное воздействие. Перепуганные, должно быть, ратманы, отправили еще один указ земскому старосте Утятницыну¹⁴⁶. Таким образом, ответственным за пребывание в

¹³⁹ Там же. Л. 28 об.

¹⁴⁰ Там же. Л. 34.

¹⁴¹ Численность и сословный состав населения России по II–III ревизии (1745 – 1763 гг.) // Переписи населения России. Вып. 3. М., 1972. С. 121.

¹⁴² Там же. С. 126.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 708. Оп. 1. Д. 143. Л. 1.

¹⁴⁴ Там же. Л. 2.

¹⁴⁵ Там же. Л. 4.

¹⁴⁶ Там же. Л. 5.

городе нарочного назначался земский староста, а ратманы слагали с себя ответственность. К 22 марта, то есть к тому моменту, когда срок сбора подушных за первую половину года подходил к концу, денег в канцелярию прислано не было¹⁴⁷. Ратманы отправили в третий раз указ земскому старосте Утятницыну,¹⁴⁸ однако в деле отсутствуют сведения о том, когда были отправлены подушные за первую половину 1755 года в воеводскую канцелярию, и полностью ли или с недоимкой. Судя по следующей промемории, отправленной из воеводской канцелярии в Балахну 28 августа 1755 года, они все же были уплачены в том или ином объеме. Новая промемория предвещала начало сбора подушной за вторую половину 1755 года¹⁴⁹, подобно тому, как в конце декабря 1754 года была прислана предыдущая промемория о сборе подушных за первую половину еще не наступившего года. Ратманы действовали по той же схеме: земскому старосте был послан указ о сборе подушных за вторую половину «в указной срок»¹⁵⁰. Затем 13 октября в магистрат была послана еще одна промемория из воеводской канцелярии¹⁵¹.

На это от ратманов последовал указ земскому старосте Утятницыну¹⁵², а 20 октября воеводская канцелярия подтвердила инструкцию своему нарочному¹⁵³. Никаких сведений об окончании сбора подушных за 1755 год по Балахне нет, однако очевидно, что меры воздействия, если они и принимались, то были не слишком суровые. Возможно, ратманы действительно были арестованы и держались под караулом вплоть до выплаты подушных за первую половину года. По крайней мере, о задолженности за этот период речи в деле нет: у Балахны была лишь кумулятивная недоимка, накопившаяся с 1747 года. В этом деле интересна позиция провинциальной воеводской канцелярии: она стремилась предотвратить возможную задержку с выплатами подушных, поэтому еще до наступления срока уплаты начинала посылать промемории в «проблемный» магистрат Балахны. С другой стороны, очевидно, что трудность для населения представляла уплата подушных скорее за первую половину года: она приходилась на первые месяцы наступившего года, когда нужно было расплачиваться и за недоимку по прошлому году (или годам). Это видно и из дела по Балахне, и по Севску, рассмотренному выше.

¹⁴⁷ Там же. Л. 8.

¹⁴⁸ Там же. Л. 9 об.

¹⁴⁹ Там же. Л. 12.

¹⁵⁰ Там же. Л. 14.

¹⁵¹ Там же. Л. 15 об.

¹⁵² Там же. Л. 16.

¹⁵³ Там же. Л. 18.

Принуждение, таким образом, военные власти оказывали по отношению к магистратским служителям, предоставляя им сами разбираться со своими выборными – ответственными за сбор подушных. В деле по Балахне нет никаких сведений о том, как земский староста Утятницын воздействовал на плательщиков, и как происходила уплата. Неясно, на каком этапе: сбора с горожан или доставки денег в воеводскую канцелярию (впрочем, находившуюся там же, в Балахне), происходил сбой, почему трижды в январе – марте 1755 года магистрат посылал указы земскому старосте о сборе подушных денег в указные сроки.

1.6. Насилие со стороны военных

Насколько насилие со стороны офицеров, а не только угроза его, было частью процедуры сбора податей? Его степень можно оценить только по жалобам самих плательщиков податей, которые, разумеется, были крайне редки. Такой уникальный случай представляет дело 1734 года «О исследовании в Военной коллегии о происшедших ссорах капитана Фонвенцлау с кашинским воеводою Травиным и о обидах учиненных им капитаном градским обывателям в зборе подушных», хранящееся в фонде Сената¹⁵⁴. Это дело иллюстрирует пребывание воинской команды в городе и «точки соприкосновения» с местным населением. Оно не является типичным, а совершенно определенно выходящим из ряда вон по степени насилия, которое применялось к населению (отчасти жестокость мер можно списать на психические отклонения у офицера, если описания, приводимые в доношениях, верны). Кашинская ратуша подала в кашинскую воеводскую канцелярию ведомость «что учинено кашинского дистрикту Таболского пехотного полку капитана Фонвенцлау и команды ево кашинцам посацким людем обид и налог и разорения». Кашинская воеводская канцелярия, в свою очередь, отправила доношение в Сенат, сопровождавшееся экстрактом из этой ведомости. В октябре 1733 года Фонвенцлау велел привести к себе на двор кашинского бурмистра Алексея Кожевникова, которого «безвинно обнаженного бил... без милости смертно, от которого ево нетерпимаго бою онои бурмистр лежит при смерти многия числа». Как следствие, дела Кожевникова расстроились. В экстракте не сообщается, с какой целью капитан избивал бурмистра и чего добивался от него. Так же избив посадского человека Якова Тимофеева сына Полякова на штабном дворе в апреле 1734 года

¹⁵⁴ Там же. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 399. Л. 130–250.

«обнаженного батожем смертно ж, от которого нестерпимаго бою оной Поляков весьма болен», капитан «вымучил» у него 1 рубль 50 коп. «якобы за отдачею ему в оброк за отведенной под штапной двор землю». Как следствие, Поляков «пришел во всеконечное оскудение и от промыслу торгового своего за болезнь отстал» и также не может платить за себя подушных денег. Экстракт приводит далее сходные случаи «вымучивания» у кашинцев денег: то солдаты «нечаянным приходом» разбивали печи в доме у посадского, а Фонвенцлау требовал в основном оброчные деньги за якобы отданные в оброк земли¹⁵⁵.

Весь список обид, нанесенных Фонвенцлау кашинцам, занимает более восьмидесяти листов. Камер-коллегия, получившая доношение из кашинской воеводской канцелярии, разослала доношение в контору Сената и промемории – в контору Военной коллегии и Генерал-кригс-комиссариат с требованием расследовать «непорядочные» поступки штабного капитана по Кашинскому дистрикту Фонвенцлау. Кашинской воеводской канцелярии же велено сочинить экстракт из показаний, содержащихся в челобитных, и прислать в Камер-коллегию¹⁵⁶. Таким образом, коллегия, ответственная за сбор подушных и прочих податей, отвечала также и за поведение офицеров-сборщиков. Деятельность Фонвенцлау имела самые тяжелые последствия для Кашинского уезда. Но это состояние волновало Камер-коллегию только с одной стороны – невозможности собрать с населения подати. Поэтому коллегия определила «в кашинском уезде совершенную пустоту освидетельствовать знатными штапными афицерами» в сентябре 1734 года¹⁵⁷. По исследованию оказалось, что за Фонвенцлау числится взятки на 34 руб. 17 коп., а за ним с его подчиненными вместе – 317 руб. 84 ½ коп.¹⁵⁸. Однако основную массу поборов составлял мелкий и средний скот, зерно, продукты и одежда¹⁵⁹. Прапорщик Зыков из команды Фонвенцлау незаконно, согласно экстракту, отнял у посадских («купечества») землю, требуя за нее оброк¹⁶⁰.

Дело Фонвенцлау было отправлено в 1734 году из Военной коллегии на рассмотрение в Сенат. Из рапорта коллегии, цитирующего доношение конторы Военной коллегии видно, что за Фонвенцлау числится еще и незаконное задержание

¹⁵⁵ Там же. Л. 157.

¹⁵⁶ Там же. Л. 243–243 об.

¹⁵⁷ Там же. Л. 244.

¹⁵⁸ Там же. Л. 245.

¹⁵⁹ Там же. Л. 246.

¹⁶⁰ Там же. Л. 247 об.

и насилие над кашинским воеводой Тютчевым: «без всякого резона безвинно держал в застенке заперши от полудни до второго часа ночи, и в бою присланными от него салдатами заплечного мастера и караулного салдата»¹⁶¹. 8 апреля секунд-майор Мордвинов, собиравший подушные деньги в соседней Угличской провинции и, видимо, получивший задание исследовать происходившее в Кашине, прислал в Военную контору допрос Фонвенцлау, куда позднее, в августе, явился и сам капитан. Он не представил никаких объяснений своим действиям, но упирал на то, что он бессменно с 1733 года состоит при сборе подушной подати, и от его задержания в Москве по «ложному доношению» воеводы Травина «в делах порученных ему не учинилось [бы] какого упущения, и напрасно на нем чего не взыскалось, и от того в разорение и в убыток не прити». Свою ревность к службе он оправдывал тем, что «он беспоместной и токмо для чести и за жалованье служит», изъявляя готовность вновь явиться в Москву, когда и воевода Травин будет туда вызван¹⁶². Кашинская воеводская канцелярия же требовала прислать в уезд штаб-офицеров для «освидетельствования» «совершенной пустоты», наступившей там в результате деятельности Фонвенцлау¹⁶³. Дело Фонвенцлау к концу 1734 года постепенно разделилось на две составляющих: с одной стороны, его личное дело о «показанных на капитана Фонвенцлау обидах и непорядочных поступках», о следствии по которому военная контора готова была послать в Кашин офицеров после получения распоряжения от сенатской конторы, поскольку в Москве проводить следствие по этому делу невозможно. По мнению военной конторы, послать нужно было «нарочного из Московской команды штап офицера и с ним в товарищи от камор коллегии или из московской губернской канцелярии кого пристойно»¹⁶⁴. С другой стороны, сенатская контора должна была назначить рассмотрение дела «о пустоте от хлебного недорода», о котором было объявлено кашинским воеводой. Это следствие было необходимо, чтобы установить, действительно ли кашинские посадские и уезд в целом не были в состоянии уплатить подушные деньги. Могли ли преступления Фонвенцлау, вызвавшие «совершенную пустоту» в уезде, помноженные на «пустоту» от неурожая, быть оправданием недоимки, это и требовала установить московская контора Военной коллегии. Во всяком случае, списывать недоимку никто не собирался.

¹⁶¹ Там же. Л. 248 об.

¹⁶² Там же. Л. 249 об.

¹⁶³ Там же. Л. 250.

¹⁶⁴ Там же. Л. 250 об.

1.7. Прошения и челобитные посадских общин

Посадские общины обращались к высшей власти в надежде смягчить условия уплаты недоимки по подушной, если не списать ее совсем. Такие челобитные писали представители общины, а не городские власти (как в рассмотренном выше случае с капитаном Фонвенцлау, жалобу на которого подала Кашинская ратуша). В нашем распоряжении есть примеры, которые говорят о том, что имели место обе тенденции, хотя, вероятно, такие челобитные были больше исключением, чем правилом. Скорее, о первом просит в адресованной в Сенат челобитной от города Боровска посадский человек Иван Васильев Девятков в 1738 году. По переписи, указывает он, в городе записано в 40-алтынный оклад 1.240 душ¹⁶⁵, из которых уже умерли 285; 15 бежали, 48 взяты в рекруты, «да в мир пошло за скудостью» 259; помимо этого, были «взяты в Азов» плотники, работники и кузнецы, а всего «убыли» насчитывалось 622 души, в наличии, таким образом, осталось всего лишь 618 душ. Поскольку подушные деньги «взыскиваются с великим принуждением», то бурмистры боровской ратуши содержатся уже в боровской воеводской канцелярии «под караулом ... без выпуску в чепях и в железах»¹⁶⁶, а купцов (то есть жителей Боровска) там содержится и вовсе 189 человек. Речь идет о кумулятивной недоимке, которую с них требует воеводская канцелярия: с 1728 по 1732 год они задолжали 2.445 руб. 35 коп., и заплатить ее этим купцам решительно нечем. Главная причина такого разорения – пожары, «от которых дворы и пожитки ряды и омбары с хлебом погорело все без остатку», случавшиеся почти ежегодно в 1726, 1727, 1728, затем в 1733 и 1734 годах¹⁶⁷. По всей видимости, «разорение» не было просто риторическим оборотом, встречающимся в качестве стандартного объяснения неуплаты тех или иных сборов. До 1728 года недоимки на Боровске нет, а перечисление городских долгов начинается именно с «пожарных» годов. Следующим после пожаров бедствием были постои и обязанности содержать тюрьму и канцелярию Ростовского пехотного полка на своих дворах. За постои купечество заплатило с 1725/1727 по

¹⁶⁵ 1242 души были внесены в «Генеральную табель» 1738 года (т.н. Кабинетскую ведомость), см.: Ведомость о численности, сословном составе и поуездном размещении податного и части неподатного населения России (1738 г.) // Переписи населения России / Под ред. Л.Г. Бескровного, Я.Е. Водарского и В.М. Кабузана. Вып. 2. М. 1972. С. 1.

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 387. Л. 1525.

¹⁶⁷ Там же. Л. 1525 об.

1735 год 96 рублей, а также было вынуждено купить за 100 рублей особый двор для воеводского постоя¹⁶⁸. За недоимки имущество купцов описывалось или продавалось самими купцами, и все в совокупности привело к тому, что купечество было не в состоянии заплатить подушные даже за текущий год: «и за оными разорениями и нищетою нежели на помятную доимку, но и за текущий год платить наличными душами не можем»¹⁶⁹. Взять с них, по словам челобитчика, было решительно «нечего». Примечательно, что здесь посадский прямо указывает на то, что именно введение подушной стало источником экономического разорения: «а в совершенное убожество впало с подушного окладу», в то время как прежде «и третьей части не плачивали». Другой источник бедствия местных горожан – торговля, которую в городе держали «первостатейные» купцы, имевшие связи с Персией и Сибирью, но не записанные в оклад в городе. Источники доходов самого местного боровского купечества весьма скромны: «торгов и промыслов не имею[т] и протчих больших дворов в Боровску нет, токмо кормимся пашнею, содем лук и чеснок и то самое малое число и развозим под деревням и меняем на разной, хлеб от которого и пропитание имеем»¹⁷⁰. О пожарах, разоривших город, жители города уже подавали доношение в Сенат в 1735 году, но резолюции так и не дождались, но для взыскания недоимки был прислан в Боровск солдат, который «привел достойное купечество посаду в ратушу в чепи и в железы и в колодки держать под крепким кораулом, и от того паки оставшее н[а]ше купечество пришло во всеконечное оскудение»¹⁷¹. Боровский посадский бил челом, чтобы зачесть уплаченные за постройку тюрем и постоянных дворов деньги в счет недоимки и освободить «убогое купечество» из цепей и колодок». Купечество Боровска «за неимением свободы и уже самой последней торговли отстали не токмо той доимки, но и в настоящей платеж продает и закладывает домовые последние свои пожитки и тем выправится не может»¹⁷².

Крайне редко, но, тем не менее, посады отваживались просить о списании недоимки. В 1744 году, вероятно, в связи с началом новой ревизии, когда власти, по всей видимости, усилили давление на посады с целью закрыть платежи по первой ревизии, посадские Тотмы обратились в Главный магистрат с челобитной о сложении «с купечества для пожарного разорения и крайного их несостояния на

¹⁶⁸ Там же. Л. 1526.

¹⁶⁹ Там же. Л. 1526 об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 1526 об.

¹⁷¹ Там же. Л. 1527 об.

¹⁷² Там же. Л. 1528.

прошлые годы подушной домки», а также «о свободе содержащихся в той доимке ис под караула»¹⁷³. Как долго тотемские купцы (а под караулом содержались бурмистры и «их братия»¹⁷⁴) находились под караулом, неизвестно. Как сообщает Главный магистрат, недоимка на городе накопилась за 20 лет, с 1724 года, составив 11.922 руб. 05 коп.¹⁷⁵

«Купцов», то есть податного городского населения, в Тотьме числилось по первой ревизии 1.018 д.м.п.¹⁷⁶ Годовой оклад, таким образом, составлял 1.221 руб. 60 коп., а кумулятивная недоимка приближалась к 50%. Тотьма, наряду с Солигаличем, Вяткой и некоторыми другими городами при подсчете уровня недоимочности, относится к так называемым «локальным выбросам», поскольку такой размер недоимки представляет собой исключение¹⁷⁷. Купечество Тотьмы увидело корень проблемы в законодательстве о городском населении, точнее, в Регламенте Главному магистрату: в оклад были поверстаны и регулярные граждане, и «подлые», не способные заплатить за себя. По каким-то причинам, по всей видимости, связанным с социокультурными особенностями региона, тотемское купечество не практиковало солидарной ответственности членов посадской общины, то есть не раскладывало подушную «по пожиточности», и, как следствие, ответственность за недоимку несли те именно, кто запустил уплату своих долей (отметим, что в отсутствии «роскладки» по душам обвиняла провинциальная канцелярия и жителей Елатымы, о чем говорилось выше). Или же, если пойти дальше, местное купечество не числило наравне с «регулярным» купечеством «подлых» как членов одной общины и в связи с этим не желало нести податей за неимущих, поверстанных в оклад, то есть не принимало навязываемой сверху системы «круговой поруки». Авторы челобитной были, совершенно очевидно, выходцами из состоятельного слоя купечества. Они хорошо различают тех, кто состоятелен, и «подлых», однако под бременем подушной их экономический статус постепенно уравнивается. После пожара 1735 года на всю Тотьму оставалось едва десять дворов «и то самых подлых людей», не говоря о том, что полностью сгорели хлебные амбары и утварь. Заплатить тотемское купечество не могло в 1744 году не только недоимку за

¹⁷³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 426. Л. 917.

¹⁷⁴ Там же. Л. 918.

¹⁷⁵ Там же. Л. 918–918 об.

¹⁷⁶ Ведомость о численности, сословном составе и поуездном размещении податного населения России (1738 г.) С. 15.

¹⁷⁷ См.: Корчмина Е.С., Федюкин И.И. Указ соч. (в печати).

прошлые годы, но и оклад на 1744 год: все «разбредлись», и взыскивать недоимку не на ком¹⁷⁸. Это положение вещей Главный магистрат описал в своем представлении Сенату в мае 1744 года. Сенат постановил отправить доношение тотемского купечества в Главный кригс-комиссариат для решения¹⁷⁹, где он и был получен в июне того же года¹⁸⁰.

Сенатский указ 1742 года позволяет утверждать, что инициатором и главным бенефициаром раскладки подушных денег «по пожиточности» (а возможно, и других сборов тоже) было само государство, и именно оно навязывало общинам эту модель. Поскольку, однако, никаких законодательных инструментов у него прежде не было, а, следовательно, не было и средств принуждения, общины, в лице «первостатейного» купечества или, например, зажиточных крестьян, плативших двойной оклад, сопротивлялись этому, как видно из дел по Елатье и Тотье. В 1742 году 11 декабря именным указом из Сената было повелено «всю вышеписанную доимку, сколько на котором городе или волости числится, немедленно расположить купечеству и г[осу]д[а]рственным крестьянам самим между собою по знанию их торгов и пожитков и владению земель, и по такому расположению доправить на них на всех конечно, на вышеписанном с получением и публикации сего указу четырехмесячной срок. А ежели в тот срок не заплатят, таковых о правеже той доимки со штрафом, а по прошествии двух м[еся]цов о взятъе штрафа ж ис губернаторов и воевод и офицеров...»¹⁸¹.

«Доимка» эта, по мнению Сената, «от одних беспорядков умножена». Беспорядок же состоял в том, что «убогия люди платежем весма отягощены, а богатия имея великия торги и промыслы платить не хотят, и друг другу наровят»¹⁸². Интенция Сената состояла в том, чтобы заставить состоятельных членов общины платить за экономически менее успешных собратьев. При этом Сенат отдавал себе отчет в том, что такая раскладка – прямой путь к злоупотреблениям, но полагал, что увещевания в христианской любви к ближнему и упование на «чистую совесть» купечества, сопровождавшееся угрозами применения наказаний, помогут делу. Нести ответственность за сбор недоимки, расположенной таким образом на всем

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 426. Л. 918 об.

¹⁷⁹ Там же. Л. 920.

¹⁸⁰ Там же. Л. 922. Решение по делу тотемского купечества следует искать в фонде Главного кригс-комиссариата в РГВИА.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 2887. Л. 258–258 об.

¹⁸² Там же. Л. 258.

купечестве и государственных крестьянах, а не на тех, кто задолжал в действительности, должны были теперь не местные власти (как предполагала система личной ответственности), а офицеры при подушном сборе, воеводы и генералы¹⁸³. Возможно, именно этот указ стал последним кирпичиком, положенным в основание системы «круговой поруки» и в целом «общинности» как черты социального устройства.

В реальности, пишет Дж. Хартли, военные расходы были перенесены с государства на общество не столько в том, что касалось человеческих ресурсов, но в том, что они зависели больше от местных, чем от государственных институтов (преимущественно от крестьянского мира, а также городских институтов самоуправления) – в том, что касалось выбора и поставки рекрут¹⁸⁴. Этот тезис подтверждается системой поручительства общины за сборы, как косвенные, так и прямые (подушную подать), которая возникла еще до введения прямого налогообложения. Е. Н. Наседкин в своей диссертации по косвенным сборам показал, что казна активно эксплуатировала эту систему, однако, с другой стороны, фискальный режим государства существенно подрывался слабостью бюрократического аппарата и пассивным сопротивлением посадского населения¹⁸⁵.

¹⁸³ Там же. Л. 258 об.

¹⁸⁴ Hartley J. Russia as a Fiscal-Military State // Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe: essays in honor of P.G.M. Dickson / Ed. By C. Storrs. Farnham: Ashgate, 2009. P. 127.

¹⁸⁵ Наседкин Е.Н. Указ. соч. С. 23.

Глава 2. Нормы и практики взаимодействия власти и населения в российской деревне

2.1. Законодательные рамки уплаты подушной подати в российской деревне

Основные правила, по которым первоначально осуществлялся сбор подушной подати, были сформулированы в Плакате от 26 июня 1724 года¹⁸⁶, и большая их часть так или иначе изменялась на протяжении XVIII века.

Так, согласно Плакату, подушные деньги у населения принимали один или два земских комиссара, выбранные из числа местных помещиков, в присутствии представителя полка. Деньги собирались на три срока, «первую треть в генваре и в февралю, вторую в марте и в апреле, третью в октябрю и в ноябрю месяцах». Сама должность земского комиссара была учреждена по закону от января 1719 года,¹⁸⁷ о выборах земских комиссаров был издан отдельный указ от 14 мая 1723 года.¹⁸⁸ При каждом земском комиссаре следовало быть одному земскому писарю, двум молодым подьячим, при полковнике - по одному из «городовых добрых» подьячих. Оплата работы комиссаров, подьячих и также канцелярские расходы на свечи и бумагу покрывались за счет дополнительного платежа (впоследствии названного «двухкопеешным сбором»). Подводы под денежную казну, которые отправлялись от полков в назначенные места, следовало брать с местных жителей по очереди до первых ямов. После прибытия в первый ям подводы следовало отпускать немедленно и давать прогонные «на каждую лошадь, зимою по одной деньге, а в летнее время по копейке на версту».

В отличие от описанных выше правил, подвергавшихся серьезным изменениям на протяжении уже первого десятилетия-полутора существования подушной подати, бюрократическая процедура взаимодействия чиновников на местах и плательщиков почти не менялась. Факт уплаты подушных вносился в прошнурованную приходную книгу, выданную Камер-коллегией, и заверялся подписями как плательщика, так и комиссара. В течение трех дней после уплаты плательщику должна была быть дана «отпись» (квитанция) за подписью комиссара. При нарушении сроков выдачи квитанции плательщик мог жаловаться полковнику или другим офицерам, а если «и от них в том удовольствованы не будут, то просить

¹⁸⁶ ПСЗ I. Т. 7. № 4533.

¹⁸⁷ Там же. Т. 5. № 3295.

¹⁸⁸ Там же. Т. 7. № 4224.

на комисара управы у помещиков того уезда, которые его выбирали, в то время, как оные помещики, по окончании года съедутся в одно место»¹⁸⁹. «Отписи» следовало писать на простой бумаге, а не на гербовой.

Четырехгривенный сбор отделялся от семигривенного, но собирать его также должны были комиссары от земли по третям. В инструкции от того же 26 июня 1724 года, подписанной в ноябре¹⁹⁰, были сделаны уточнения. Часть уточнений отражала сложности введения нового налога, «и хотя положено тот сбор чинить Коммисарам от земли, но для новости сего дела, дабы Коммисары какой конфузии не сделали, того со оными Коммисарами первой год собирать ему Полковнику вкупе с штаб и оберофицерами, дабы доброй анштальт ввести, потом на другой год чинить по определению». При этом указом от 20 января 1725 года подтверждалось, что и на 1726 год собирать полковникам и комиссарам вместе.¹⁹¹

Уточнения процедуры сбора подушных денег можно свести к следующим положениям:

- при сборе денег должен был присутствовать счетчик из полка. Впоследствии, когда отказались от полковых дворов, необходимость в таком счетчике отпала;

- собранные деньги должны были складываться в мешки, запечатываться печатью, на каждом мешке следовало указать точную сумму денег, в нем хранящуюся, и имя счетчика. Мешки складывались в заранее заготовленные в полку бочки и запечатывались печатями комиссара и полковника. Монета могла быть как серебряная, так и медная, но не более 2000 серебряных рублей в одной бочке¹⁹², чтобы можно было легко вынести при пожаре;

- от комиссаров деньги должны приниматься в феврале, апреле и декабре соответственно. О приеме денег полковник должен рапортовать в Военную коллегию, а земский комиссар в Камер-коллегию.

Подробно описывалась процедура развоза денег в указные места. Отвозить деньги должен был полковник (или комиссар) с соответствующим конвоем. Если же полк находился в походе, то на вечных квартирах следовало оставить для сбора

¹⁸⁹ Из Плаката [ПСЗ I. Т. 7. № 4533].

¹⁹⁰ ПСЗ I. Т. 7. № 4534.

¹⁹¹ Там же. № 4637.

¹⁹² Один рубль в 1718-1730 гг. весил 28,44 г, следовательно, вес одной бочки составлял около 57 кг. // Уздеников В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах. 1700-1917. М., 1995. С. 162.

подушных по одному капитану, прапорщику, писарю, капралу и 16 человек солдат. Эта команда должна принимать деньги у комиссара и отвозить к губернатору или воеводе, «а буде не в одной губернии или воеводстве, то к тому где гарнизон, а буде гарнизона нет, то каторое место знатнее».

Согласно Плакату и инструкции, ответственным за учет и хранение денег являлся комиссар или полковник, а вопрос о недоимках вообще первоначально не поднимался - возможно поэтому там и не указывалось лицо, ответственное за платеж. Законодательная регламентация на этом этапе была в первую очередь связана с правильным ведением финансовой отчетности. Это дополнительно подтверждается указом от 24 января 1725 г. «О наказании комиссаров Арцыбашева, Баранова и подьячего Якова Волоцкого за похищение казенных денег». Вины чиновников в отношении подушной подати сводились к тому, что были нарушены правила ведения финансовой отчетности: приходно-расходные книги не велись, кроме черновых записных тетрадей. Деньги собирались подьячими и «пищиками», которые ездили по уездам и давали расписки за своим именем вместо отписей¹⁹³.

Дальнейшая регламентация сбора подушной подати была связана с уточнением процедуры сбора недоимок, с одной стороны, и с изменением структуры аппарата сборщиков подушной подати, с другой. По указу от 6 марта 1725 года комиссарам и полковникам запрещалось править доимку напрямую.¹⁹⁴ Указ от 18 марта 1726 года¹⁹⁵ говорил о необходимости разбираться в причинах недоимки и во взаимных жалобах местных властей на офицеров и наоборот. Как кажется, отражением этой озабоченности стало, во-первых, направление на места с ревизией штаб- и обер-офицеров, а во-вторых, создание доимочной канцелярии (по указу от 24 февраля 1727 года¹⁹⁶ с подтверждением 13 марта того же года¹⁹⁷). Судя по указу от 9 февраля 1727 года, объявлявшему о сбавке в платеже подушной подати за майскую треть, действия тех, кто проводил ревизию, признавались обременительными для местного населения. Поэтому военные-сборщики отправлялись к своим полкам, а собирать подушные деньги должны были отныне

¹⁹³ ПСЗ I. Т. 7. № 4826.

¹⁹⁴ Там же. № 4674.

¹⁹⁵ Там же. № 4857.

¹⁹⁶ Там же. № 5017.

¹⁹⁷ Там же. № 5028.

воеводы и офицеры; поскольку им сразу будет сложно включиться в процесс сбора подушной, на помощь к ним должны были прийти земские комиссары.¹⁹⁸

Указ от 24 февраля 1727 г.¹⁹⁹, вслед за указом от 9 февраля 1727 года, напрямую признавал, что правительство столкнулось с непреодолимыми проблемами при сборе подушной, настолько серьезными, что следовало собрать комиссию, которая решила бы «каким образом удобнее и сходнее с пользою народною со крестьян подать брать». При этом часть важных вопросов сбора подушной подати решалась уже в этом указе. Так, вводилась ответственность за недоимку, и она лежала на помещике, а в его отсутствие на приказчиках. Весь сбор отдавался в руки воевод, последним в помощь следовало направить одного из штаб-офицеров. Для транспортировки денежной казны следовало брать людей из соответствующего полка. И воеводы и штаб-офицеры должны были в вопросах сбора подчиняться губернатору. Полки следовало вывести «из деревень» в города. (По сути, этот указ был продублирован 15 марта 1727 года)²⁰⁰.

По указу от 16 марта 1727 г. земских комиссаров подчиняли воеводам, т.к. власти полагали, что воеводе будет самому сложно справиться со сбором подушных денег в силу запутанности системы прикрепления полков к провинциям и уездам. Земские комиссары отдавали собранные деньги воеводам, а те, в свою очередь, передавали их штаб-офицерам, определенным приказом Военной коллегии. Отчеты шли в Военную коллегию и Камер-коллегию²⁰¹. По указу 2 сентября 1727 г. в помощь воеводам направлялись обер-офицеры²⁰².

Указом от 28 марта 1728²⁰³ года подтверждалось, что плательщики должны приезжать сами в полки и платить подушную, не дожидаясь присылки к ним нарочных. Если сроки вышли, воеводы и губернаторы должны были править недоимку на малопоместных помещиках, привозя их самих в город; недоимку на знатных людях, синодальных и дворцовых вотчинах следовало править на приказчиках и старостах. Отдельное внимание уделялось ситуациям, когда квитанции («отписи») на руках у плательщика есть, но недоимка за ним значится. В этом случае, если подтверждалась подлинность квитанции, следовало без

¹⁹⁸ Там же. № 5010.

¹⁹⁹ Там же. № 5017.

²⁰⁰ ПСЗ I. Т. 7. № 5033.

²⁰¹ Там же. № 5037.

²⁰² Там же. № 5148.

²⁰³ Там же. Т. 8. № 5394.

послабления править недоимку на комиссарах и подьячих. Указом от 31 мая 1728 г.²⁰⁴ ответственным за сбор подушных признавался также и воевода, чье движимое и недвижимое имение могло быть отписано, если за провинцией, находящейся в его ведении, числится недоимка, правда, не только за подушную. Указом от 21 марта 1729 г. устанавливались сроки правежа: август, ноябрь, февраль следующего года, а по указу от 13 сентября того же года уже определялось два срока правежа: ноябрь и февраль (по причине того, что первый срок уже минул).²⁰⁵

Вообще, правительство стремилось к тому, чтобы как бездоимочный платеж, так и недоимку плательщики платили сами, и команды к ним не ездили. Указание на это мы находим в указе от 16 июня 1731 года²⁰⁶, по которому помещикам и архиерейским и монастырским вотчинникам предписано в трехмесячный срок самим доставить недоимку в Москве - к генерал-поручику Волкову, а в провинциях и губерниях в губернские и провинциальные канцелярии. Трехлетний эксперимент по сбору подушной воеводами и губернаторами указом от 31 октября 1730 г. признавался не очень удачным. Поэтому сбор подушных денег вновь возлагался на полковников и офицеров²⁰⁷.

Указом 12 декабря 1731 г.²⁰⁸ создавалась дирекция Генерального кригс-комиссариата, деньги по-прежнему собирались по дистриктам на полковых квартирах полковниками с земскими комиссарами, но на два срока: первый с января по март, а второй «с половины сентября по декабрь».²⁰⁹ К ним назначался штаб-офицер, не имеющий поместий в том городе, где он осуществлял смотрение за сбором подушной подати. В случае недоимки экзекуции должны были осуществляться в соответствии с 6 пунктом камер-коллежской инструкции. При этом учет и хранение недоимочных денег должны были вести также полковники и земские комиссары. Подтверждалось, что финансовая отчетность должна вестись со всем тщанием, и квитанции по факту платежа выдаваться в один, максимум два дня. В указе от 21 марта 1732 года²¹⁰ давался ответ на частный вопрос, что делать, если значится доимка, но у плательщика есть отписки за комиссарскими и подьяческими руками, а сами комиссары и подьячие умерли (напомним, что ранее был указ,

²⁰⁴ Там же. № 5275.

²⁰⁵ Там же. № 5472.

²⁰⁶ ПСЗ I. Т. 8. № 5780.

²⁰⁷ Там же. № 5638.

²⁰⁸ Там же. № 5904.

²⁰⁹ Там же. № 5904. П. 2.

²¹⁰ Там же. № 5998.

который регулировал подобную ситуацию). Если проверка с приходными книгами подтверждала факт платежа, то править недоимку следовало на наследниках комиссаров и подьячих. В указе 23 января 1735 г.²¹¹ устанавливалось уже существующее, по всей видимости, на практике правило, что при посылке экзекуций содержание команды (кормовые деньги, фураж) ложится на плечи помещиков, их приказчиков или старост. Так на «корм» офицерам требовалось выделить – по 15 коп., унтер-офицерам – по 5 коп., рядовым по 3 коп в день и, кроме того, по 3 фунта хлеба и 1 фунту мяса на одного военного.²¹² После анализа практики законодатель фактически рекомендовал помещикам платить самим. И в этом же указе особо подчеркивалось, в отличие от предыдущего законодательства, что недоимку следовало взыскивать на помещиках, и, невзирая на чины, держать неплательщиков под караулом.

Указы от 26 января²¹³ и 24 мая 1736 г.²¹⁴ в очередной раз изменяли механизмы сбора подушной подати и вводили схему, которая сохранилась вплоть до екатерининской губернской реформы. Генерал-кригс-комиссариат был объединен с Военной Коллегией, а все виды подушного сбора отныне были в ведении офицеров при подушном сборе, которые назначались из отставных военных по одному - два человека в зависимости от обширности уезда. Каждая деревня должна была платить подушные в своем уездном городе. Подушная за первую половину года должна была собираться по дистриктам, а за вторую - по уездам. Для улучшения работы местной администрации число рассыльщиков увеличивалось до 8232 человек. Таким образом, первые 10-15 лет существования подушной подати были направлены на выработку приемлемой схемы сбора этого налога.

Бездоимочный платеж после 1736 года выглядел следующим образом. Помещик, приказчик или староста должны были до конца марта (за первую половину года) и до конца декабря (за вторую) привезти подушные деньги в серебряной или медной монете, сдать их, получить квитанцию («отпись») и вернуться домой. Далее офицер при подушном должен был их сложить в мешки и бочки и сразу же отправить в соответствии с ассигнованиями или по запросу в указные места. Если возникала недоимка, то ее необходимо было править, для чего посылалась команда («экзекуция»), содержащаяся за счет недоимщика. Обращает

²¹¹ ПСЗ I. Т. 9. № 6674.

²¹² Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацлло М.К. История налогов в России. С. 97.

²¹³ ПСЗ I. Т. 9. № 6872.

²¹⁴ Там же. № 6976.

на себя внимание нежелание законодателя отправлять чиновника в уезд, плательщик должен был сам везти деньги. Возможно, это было связано с экономией ресурсов. Законодательно, в первую очередь, регулировались вопросы ведения финансовой отчетности как очень значимой процедуры.

Как видим, высказанная мысль о том, что закон только в самом общем виде регулировал процедуру сбора подушной подати, подтверждается. Оставалось значительное пространство, которое регулировалось существующими практиками, и задача исследования как раз в том и состоит, чтобы их выявить и проанализировать.

2.2. Законы и практика их исполнения

Одна из серьезных проблем состояла, в том, что правительство действовало в условиях значительной нехватки информации. История с исполнением указа о счетчиках, направленного на преодоление недостатков только что введенной системы сбора подушной подати, является тому ярким примером. 16 февраля 1731 года издается указ «о небытии впредь у сбора подушных денег счетчикам из солдат вместо их городских подьячих погодно и о платеже оным подьячим за прием и счет денег со ста рублей по гривне».²¹⁵ Предыстория появления этого указа прозаична. По Плакату подушные деньги в полках у плательщиков должны были принимать счетчики из солдат на свой счет, укладывать их в мешки, запечатывать, после чего мешки помещались в бочку и запечатывались полковником. При этом деньги не могли распечатываться без счетчика. Последствия этой нехитрой процедуры стали понятны через несколько лет, о чем и сообщалось в октябре 1730 года в Сенат из Военной коллегии: «...ныне усмотрено что у тех щетчиков являютца великие недочеты и от того не токмо впадают в наказания, но и в розыски и посылаютца в галерную работу и в сыски...».²¹⁶ При этом в процессе выработки решения по этому вопросу вспомнили об указе от 1714 года, по которому купеческие люди не могли быть у сбора разных податей, а это должны были делать подьячие. В итоге и появился указ от февраля 1731 года, по которому отныне из провинциальных канцелярий должны были направляться по 4 подьячих в соответствующий полк для счета подушных денег. Реализация данного указа столкнулась с непреодолимыми трудностями, главной из которых была нехватка людей в провинциальной канцелярии. Примеров этому мы можем встретить огромное количество.

²¹⁵ ПСЗ I. Т. 8. № 5697.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 390. Л. 330.

Например, в доношении от 16 марта 1731 года (вторично направленном от 21 июля) из Вологды сообщалось следующее²¹⁷: из Вологодской провинциальной канцелярии нужно было отправить на три штабных двора 12 человек, и еще 2 человека на Кронштадтский полк, приписанный к Галицкому уезду, т.е. в общей сложности четырнадцать человек. А в Вологодской канцелярии служителей приказных всего имелось лишь четырнадцать человек, из которых: «канцелярист Яков Сумороков стар и дряхл на нем же имеется по делу советника Ивана Авксентьева сына Хрипунова достальных долговых денег» 35,5 рублей, «Алексей Субботин стар», «Осип Михайлов повсегда в болезни и исходит почасту из носу и из роту кровия и от того бывает во многие дни в беспамятстве», «земский писарь Иван Горячников был у приходу и расходу в 1730 по всей вологодской правинции и еще не сочтен», «подканцеляристы Василий Савин, Василей Федоров, Алексей Галактионов содержитца в канцелярии в начетных деньгах» и т.д. Неутешительный вывод состоял в том, что если закон выполнить и отправить всех, кого можно и нельзя в счетчики на полковые дворы, то «уже в вологодской провинциальной канцелярии ни одного человека канцеляристов и подканцеляристов не останется и на их места определить будет некого». Схожая ситуация сложилась в Тверской провинции²¹⁸, где в провинциальной канцелярии осталось всего десять человек, из которых трем приказным «в счете денег отнюдь верить неможно для того что они пьяницы и моты».

В Архангельской губернской канцелярии²¹⁹ ситуация осложнялась тем, что «не положенных в подушной оклад подъячих имеетца самое малое число, а имянно толко 9 человек, а которые сверх того числа подъячие имеютца, и те положены в подушной оклад, которых в 728 году по присланному из правительствующего Сената указу ни х каким делам определять не велено». В Симбирской провинциальной канцелярии было, как минимум, две проблемы²²⁰. Во-первых, штабные дворы полков астраханского гарнизона построены «некупно», поэтому требуется двадцать подъячих, и сверх того нужно четыре человека, чтобы собирать подушные с купечества, которое осталось за расположением полков, т.е. всего требуется двадцать четыре человека. Всего в канцелярии имеется тридцать один

²¹⁷ Там же. Д. 391. Л. 209 – 212.

²¹⁸ Там же. Л. 213 – 213 об.

²¹⁹ Там же. Л. 216 – 217.

²²⁰ Там же. Л. 228 – 228 об.

приказной служитель, но все они «весьма малопожиточны, и деревен неимеется, а протчие и бездомовны зачем к вышеозначенному сбору допустить их опасно».

Возможно, что подобная ситуация сложилась из-за того, что цифры об укомплектованности канцелярий, на которые ориентировалось правительство (если оно вообще располагало подобной информацией), были устаревшими. Об этом в определенной степени свидетельствует ситуация в Нижегородской канцелярии, штат которой был набран в районе 1723 года, когда в нее на службу поступило 167 человек.²²¹ Но из этого числа к 1731 году тридцать семь человек уже умерли, в разные места были высланы шестьдесят три человека, и к 1731 году в канцелярии осталось шестьдесят семь человек, потому что после 1723 года никого в канцелярию вновь на службу определено не было.

Итак, с одной стороны, канцелярии явно не могли выполнить указ, поскольку его выполнение грозило бы полной остановкой дел. Но, с другой стороны, в полках возникла острая необходимость присылки «щетчиков», без которых встал сбор подушной подати. Но главное последствие этой ситуации состояло в том, что подушные деньги зачастую собирать было просто некому, как это произошло на штабном Нижегородского кавалерийского полка,²²² и недоимка появлялась просто от того, что на местах не было достаточного числа людей, чтобы собрать или пересчитать деньги.

2.3. Выборы земских комиссаров

Выборы земских комиссаров - один из удачных примеров взаимодействия всех групп населения. Правда, непосредственно со сбором подушной подати эта практика не связана, но ее анализ позволит нам «увидеть» одного из ключевых персонажей первого этапа при сборе подушной - земского комиссара (насколько нам известно, в литературе эти процедуры до сих пор не были описаны).

«Приближение» государства к налогоплательщику фактически было начато с попытки проведения переписи всего мужского населения, а впоследствии ревизии результатов переписи, но мы будем говорить о других примерах, в частности, о первых выборах земских комиссаров, проводившихся еще до непосредственного введения подушной подати. «Земской комиссар должен его Царскому Величеству и Ея Величеству Государыне и Высоким Наследникам верной, честной и правдивой

²²¹ Там же. Л. 236 – 238 об.

²²² РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 391. Л. 242-242 об.

слуга быть, пользу их и благополучие всякими образы и по всей возможности искать и споспешествовать; убытки, вред и опасность отвращать, и благовременно о том уведомлять, како сие доброму слуге и подданому должно...». ²²³ На примере выборов земских комиссаров 1723 года в Тульской провинции²²⁴ рассмотрим, как на практике осуществлялся выбор таких государевых слуг, которые должны были обеспечить сбор подушной²²⁵.

По закону, в выборах земских комиссаров должны были участвовать все помещики провинции, и первые выборы должны были быть завершены к октябрю 1723 года. Архивные документы, в которых отразилось проведение выборов в Тульской провинции, показывает, что местные власти пытались претворить закон в жизнь буквально, т.е. они требовали, чтобы в выборах участвовали лично все помещики. Технически это было осуществлено следующим образом: несколько команд с реестрами всех помещиков, владеющих именьями на определенной территории, было отправлено по уездам с целью привезти помещика или его представителя в Тулу. Забегая вперед, скажем, что до конца октября земские комиссары выбраны не были.

В указе также указывалось, что «многия люди» по посылкам в Тулу явились и дожидаются тех (многих), кто не приехал в первый раз. Например, по одному из реестров по Алексинскому уезду видно, что шесть человек приехали, шестнадцать – нет, и только в одном случае была указана причина (нахождение в Москве)²²⁶. В одном из реестров из Тульского и Дедиловского уездов²²⁷ отсутствовали восемь из шестнадцати помещиков, при этом местным командам не удалось забрать крестьян у помещиков, не пожелавших участвовать в выборах. Поэтому неудивительно, что и вторичная посылка солдат в деревни уезда не привела к желаемому результату – никто не явился.²²⁸

Сложившаяся ситуация, в которой часть уездных помещиков вынуждена безвыездно жить в Туле в ожидании выборов, стала поводом для обращения лейб-гвардии капитана и тульского провинциального воеводы. В прошении особо оговаривалось, что местные помещики боятся быть оштрафованными. В конечном

²²³ ПСЗ I. Т. 5. № 3295.

²²⁴ РГАДА. Ф. 449. Оп. 1. Д. 52.

²²⁵ ПСЗ I. Т. 8. № 5638.

²²⁶ РГАДА. Ф. 449. Оп. 1. Д. 52. Л. 65 – 66.

²²⁷ Там же. Л. 42 – 43.

²²⁸ Там же. Л. 7.

итоге, несмотря на требования закона, выбор был сделан в условиях отсутствия значительной части помещиков, и показательно, что трое из четырех выбранных в земские комиссары помещиков точно не присутствовали в это время в городе. После проведения выборов выборщики разъехались, и встала проблема – как отыскать выбранных комиссаров.

20 ноября 1723 г. была послана команда к одному из комиссаров (Кологривову), который должен был явиться в Тулу и не отлучаться из нее под угрозой наложения ареста на его имение; Кологривов оказался на месте и указ подписал.²²⁹ За двумя другими комиссарами (Хомяковым и Вельяминовым) команды посылались дважды, но безрезультатно. В рапорте тульского солдата Павла Кочерова, посланного к Хомякову, было указано, что, по словам приказчика, «помещик его Степан Хомяков в коломенской своей вотчины в селе Дворянинове и жительство в том селе имеет, а что, де, он, помещик ево Степан Хомяков, выбран в комиссары к сбору денежной казны, и о том де он для ведения помещику своему скажет и попросит явится в тульскую канцелярию».²³⁰

Выборы комиссаров демонстрируют два важных момента. Во-первых, при отсутствии доброй воли со стороны помещика у правительства в середине 1720-х годов фактически не было возможности принудить помещика к выполнению возложенных на него обязанностей. В качестве единственной меры принуждения государство рассматривало «изъятие» крестьян, но эта мера явно не была очень действенной. Во-вторых, в выборах должны были принимать участие все помещики, был составлен их реестр, к каждому были направлены посыльные, факт приезда в город учитывался. Фактически государство пыталось «добраться» до каждого налогоплательщика, причем это правило действовало не только по отношению к помещикам, но и к крестьянам.

Приведем в качестве примера ознакомление сельских обществ с указом о запрете сбора подушных денег в летнее время и в рабочую пору.²³¹ Указ от 11 мая 1730 года гласил: «если кто дерзнет в деревню прибыть, то обывателям ловить и присылать в губернскую канцелярию дабы от таких не было крестьянам разорения...». В нем прописывалось, что местные посыльные команды, которые являются или должны являться представителями центральной власти на местах,

²²⁹ Там же. Л. 23.

²³⁰ Там же. Л. 41.

²³¹ РГАДА. Ф. 423. Оп. 2. Д. 113.

ставятся под контроль обывателей в деревнях. Для знакомства с этим указом был составлен реестр деревень, вручавшийся «пищикам», и напротив каждой деревни по этому реестру представитель от крестьян должен был приложить руку. Так, «велено мне, пищику Никите Головашкину, ехать в володимерский уезд в полской да [вылмегоцкой] станы»²³². В данном реестре мы находим 153 подписи напротив соответствующего населенного пункта, такие же «пищики» и копиисты были посланы в другие станы Владимирского уезда.

Подобные практики, по всей видимости, были распространены и возможны постольку, поскольку была проведена ревизия, был составлен «реестр» помещиков, крестьян, деревень, подлежащих налогообложению. Эти примеры, на наш взгляд, могут в определенной мере свидетельствовать, что «государство» стремилось максимально «приблизиться» к налогоплательщику. При этом и крестьяне со своей стороны в рамках платежа подушной вынуждены были регулярно контактировать с «безликим» государством, а это, в свою очередь, на наш взгляд, вынуждало крестьян «осмыслять» подушную подать, выделять ее из ряда других денежных и натуральных повинностей.

2.4. Взаимодействие крестьян с местными властями в связи с уплатой подушной подати

Как кажется, именно процедуры, связанные с необходимостью уплаты подушной подати, порождали особый тип контактов. Контакты эти вынуждали крестьян «осмыслять» платеж подушной подати, в отличии, например, от мирской раскладки, когда действительно платежи могут быть приведены к единой сумме, а потом разложены на всех. Если мы согласимся, что платеж подушной подати был вполне осмысленным процессом, то тогда становится возможным поставить вопрос о том, почему крестьянин принимал решение платить, тем более, платить в срок, и какую роль в принятии этого решения играло фискальное насилие со стороны государства? Под фискальным насилием понимается комплекс мер (как фактических, так и угроз насилия) со стороны власть предержащих, направленных на крестьян, с целью своевременной уплаты налогов.

Важным источником, отражающим интенсивность взаимоотношений крестьянства и местных чиновников, могут служить квитанции по подушной подати. Источник этот в высшей степени распространенный, у него есть своя форма и свои

²³² Там же. Л. 27 – 47.

правила бытования. При этом, насколько нам известно, квитанции по подушной подати никогда не анализировались как самостоятельный источник. Несмотря на хорошую сохранность квитанций в целом, можно считать уникальным сохранность комплекса квитанций по уплате подушных на протяжении всего 18 века по одному поместью (фонд Пазухиных). Именно этот комплекс лег в основу приводимого ниже анализа.

Название «квитанции» этот вид документов получил не сразу, изначально в законе он назывался «отпись». Первый раз слово «квитанция» применительно к документам данного типа появляется в 1753 году, в ходе платежа за вторую половину года; до того в данном комплексе источников документ такого типа особого названия не имел. Ниже для удобства мы будем называть документы этого типа «квитанцией» применительно ко всему 18 веку.

Форма документов в нашей подборке на протяжении 1720-1740-х годов неоднократно меняется. Особенно важным для понимания статуса подушной подати в целом представляется одно из этих изменений. В 1720-х - первой половине 1730-х годов в документе указывалось, на какой полк поступают платежи, а потом куда именно платится. В 1737 году из квитанции исчезает формулировка «на какой полк», а остается просто фраза, отражающая куда идет платеж: «по указу еив принято в кокшайской воеводцкой канцелярии в казну ЕИВ денежной казны на сей».²³³ Здесь важно учесть, что во второй половине 1730-х годов формы ведения финансовой документации были определены из центра, но само изменение направленности платежа подушных денег с полка на канцелярию кажется значимым. 13 февраля 1783 г. появляется новое титулование «ЕИВ самодержицы всероссийской».²³⁴ Кроме того, в 1780-х гг. изменяется название уезда, и квитанция «обрастает» указаниями на документацию уездного казначейства (окладная книга, настольный входящий реестр, настольный исходящий реестр).

Рассматриваемый нами документ был важен для всех участников фискальной цепочки, но в первую очередь для самих плательщиков, потому что являлся, по сути, единственным имеющимся у них на руках доказательством того, что факт платежа имел место, и потому этот документ старались хранить. В нем фиксировалось само событие уплаты, дата, срок, сумма платежа, указывалось, кто именно отдавал, и кто принимал деньги. Более конкретно, в документе, что особенно важно для наших

²³³ Там же. Л. 18.

²³⁴ Там же. Ед. хр. 24. Л. 2.

целей, указаны имена крестьян, приказчиков, чиновников, т.е. непосредственных участников платежа подушной подати. Это самый нижний кирпичик всей фискальной цепочки, до которого мы можем добраться. С помощью этих данных можно ответить на вопрос: кто именно (крестьяне, помещик, часть крестьянской общины) соприкасался с «чиновничеством», и как часто.

Вторым источником, который поможет осветить характер и интенсивность контактов между представителями государства и населением, являются приходно-расходные книги. Этот источник известен и в той или иной степени использовался в разных исследованиях. Строгую периодизацию эволюции этого источника дать затруднительно, но на основании просмотренных нами комплексов документов можно выделить несколько типов книг: книга прихода-расхода вотчинных расходов, господской суммы, мирской суммы и т.д. Ниже мы рассмотрим только приходно-расходные книги мирской суммы. Эти книги велись в крупных поместьях, и именно они и сохранились. На практике называться они могли по-разному. Книги эти представляют собой тетради, в которых указан приход всех мирских сумм за год, а потом их расход по дням. В записях всегда стоит число, а потом назначение платежа, после - точная сумма, в конце книги подводится итог. Так как приход подушных денег со всех душ указывается только два раза в год, одной суммой в тот месяц, когда нужно было платить по закону, то есть в феврале-марте или октябре-ноябре, можно предположить, что существовала еще какая-то другая документация, в которой фиксировался платеж за каждого человека с точным указанием даты и фамилии. Для наших целей важно, что платеж подушных денег производился в течение некоторого определенного срока. Так, по книге Куракиных 1788 года за февраль месяц стоит приход «перваго подушного збору собрано старосты с души по 35 коп. итого с 1254 душ» - 438,9, в октябре «второго подушного збору собрано с души по 35 коп. итого с 1255 душ - 439,25».²³⁵

Расход в таких книгах учитывался, вероятно, сразу же после совершения платежа, потому что в один день могли фиксировать разные платежи. В записях всегда указывалась сумма, цель и получатель (человек, которому отдавались деньги) платежа; если «платеж» был натуральным, то ставились единицы, в которых он

²³⁵ НИОР РГБ. Ф. 586 (Куракины). Картон 1. Ед. хр. 2. Л. 101 об.

измерялся, и далее, как правило, его денежная стоимость. С конца 1780-х гг. также отдельно оговаривается осуществление платежа медными деньгами²³⁶.

Этот тип документов важен для нас, потому что он зачастую отражает «неформальные» отношения между интересующими нас участниками. В частности, он позволяет, например, ответить на вопрос, какие дополнительные издержки должна была понести община при уплате подушной в срок (например, сколько денег сверх стандартной подушной подати отвозили в провинциальную канцелярию крестьяне в качестве «почести/взятки»). Существенно также, что книги эти ежегодно проверялись самими членами общины, так что их с некоторой натяжкой можно назвать документами строгой финансовой отчетности.

Опираясь на эти источники, оценим интенсивность контактов между различными категориями населения и чиновниками на примере не крупного владельческого хозяйства (до 100 душ) – это основной тип помещичьих хозяйств Центральной России – на примере одного из поместий Петра Семеновича и Петра Петровича Пазухиных. Имеющиеся в нашем распоряжении квитанции из фонда Пазухиных позволяют выявить всех представителей крестьянского мира, которые побывали в провинциальной канцелярии в рамках осуществления платежей подушной подати.

Всего в деревне по первой ревизии проживало 75 душ мужского пола. С 1727 по 1747 года сохранилось 27 квитанций, следовательно, фиксируется 27 поездок в провинциальную канцелярию. С учетом того, что некоторые имена повторяются дважды, в канцелярии побывало 20 человек. При этом, несмотря на то, что фиксируется только один человек, как правило, в канцелярию ездили по двое или трое. Таким образом, за период с 1727 по 1747 год из 75 душ мужского пола около 50-60 человек побывало в провинциальной канцелярии, то есть почти 80 % крестьян. Важно, что постепенно ротация крестьян, ездивших в провинциальную канцелярию,

²³⁶ НИОР РГБ. Ф. 221. Папка 14. Д. 25. Л. 1. Вопрос о том, как платить и какими деньгами, требует отдельного рассмотрения. «Медная монета была тяжелой. Вес пятака в 16-ти рублевой монете составлял 1/8 фунта. Вес 100 рублей был равен 6 пудам и 10 фунтам, а 1000 – 62,5 пуда; чтобы доставить такую сумму требовались 2 телеги. Перевозка на большие расстояния крупной суммы была связана со значительными расходами. Вторым очевидным недостатком медной монеты было то, что прием и выдача больших сумм требовала много времени и людских ресурсов. Чтобы принять 1000 руб., необходимо было пересчитать 20 тыс. пятаков, 10 000 руб. – 200 тыс. и т.д. При таких суммах просчеты неизбежны. Наконец, достоинство медной монеты постоянно менялось» (Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М. 1994. С. 254).

сокращается. Так, 1747 года по 1765 год за 30 поездок съездило 20 крестьян, а 1765 по 1782 год за 30 поездок уже 15 человек. До 1750-х гг. ездили выборные, реже старосты, а с 1750-х годов в канцелярию ездили только отдатчики. С конца же 1780-х гг. в квитанции стоит только слово «плательщик»²³⁷, причем в одном случае в качестве плательщика указан Борис Бестужев, который сам был владельцем данного села²³⁸.

Анализ документов показывает, что выборные могли и не заниматься собственно сбором подушной²³⁹; скорее всего, не занимались сбором и отдатчики. Судя по всему, к вовлеченным непосредственно в сбор подушной подати, то есть к тем кто не просто платит, но организует уплату в общине и в последующем в провинциальной канцелярии, следует относить все мужское взрослое население среднего хозяйства. В этих условиях сложно представить, что крестьяне не знали о том, что такое подушные деньги и что это за платеж.

Проиллюстрируем, насколько часто крестьяне крупного поместья приезжали в провинциальную канцелярию при платеже подушных денег. Это можно сделать на примере саранского имения статского советника Александра Ивановича Полянского (1721—1818), чьей женой была Елизавета Романовна Воронцова. В его поместье крестьяне тоже могли сами возить деньги. Например, 2 мая 1770 г. управляющий поместьями А.И. Полянского С. Козырев писал старосте и выборному с. Пушкина, чтобы они немедленно прислали к нему подушные деньги для уплаты очередного взноса. В противном случае их высекут в Саранской воеводской канцелярии, а если там им все же сойдет с рук, то «... я вас, приехавши, пересеку с головы на голову и з женами и з детьми».²⁴⁰ Учитывая логику предыдущего анализа, в крупном поместье контакты «обычного» крестьянина с чиновниками провинциальной канцелярии были реже.

В связи с тем, что кажется, крестьяне вполне могли осмыслять подушную подать как отдельный платеж, важно посмотреть, как и когда крестьяне говорят о подушной подати. Логично было бы предположить, что они жалуются на невыносимость подушных платежей, коль скоро в историографии на этом делается

²³⁷ НИОР РГБ. Ф. 221. Картон XIV. Ед. хр. 24. Л. 9.

²³⁸ Там же. Л. 13.

²³⁹ Гагиева А.К. Община крестьян Коми края во второй половине XVIII в.: автореферат... канд. ист. наук. - Л., 1987.

²⁴⁰ Булыгин И.А. Крепостное хозяйство Пензенской губернии в последней трети XVIII в. (на примере владений И. А. Полянского). М., 1954. С. 244.

акцент. Так, оброчные крестьяне кн. Льва Нарышкина в Шацком уезде в своей челобитной от 1730 г. указывали, что за семь лет (1723 – 1729 гг.) из уезда бежало оброчных крестьян «с тысяча дворов крестьянских з женами и з детьми наипаче от перебору подушных денег».²⁴¹ Жалобы на невыносимую тяжесть подушной подати в сочетании с оброком встречаются регулярно.

Все приводимые нами примеры относятся к самому раннему этапу введения подушной подати, и крестьяне оценивают ее, или, по крайней мере, считают важным написать, что государственные платежи невыносимы. И в этом отношении интересно посмотреть на другие документы, происходящие из крестьянской среды спустя десятилетие (то есть, начиная с середины 1730-х годов). Так, в ряде документов использовались риторические конструкции, которые можно рассматривать как попытки давления на власть, как «серьезные речевые акты», которые отличаются от повседневной речи тем, что они поддерживаются целой сетью институционализированных властных отношений, которые придают им характер «истинных высказываний».²⁴²

Так, в 1739 г. крестьяне д. Старой Житницы Свияжского уезда жаловались на коштана из своей деревни Бимурзу Данилина, без выбора мирских людей насильно отбиравшего у крестьян деньги, скот, хлеб и прочее на расходы по подаче челобитной о завладении их землей²⁴³. Дворцовое крестьянство Примокшанья терпело притеснения со стороны управителей волостей. Сотские и старосты деревень неоднократно посылали жалобы в Дворцовую канцелярию. Действия управителей волостей строго контролировались ими. Чтобы не допустить социального взрыва, Дворцовое ведомство было вынуждено в ряде случаев менять управителей. Так, в 1761 г. в Троицкую волость на место уличенного в воровстве поручика Ивана Богатырева был прислан комиссар Григорий Сулакатцов. Он, как и многие другие чиновники, стал брать взятки, требовать исполнения повинностей во время сева, сенокоса, уборки хлеба, даже сделал попытку переписать крестьян волости и их «пожитки», словом, действовал в дворцовой волости как староста в помещичьей деревне. Например, он взял у старост 42 руб., собирал себе на

²⁴¹ Алефиренко П.К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30-50хх годах XVIII века. М., 1958. С. 96.

²⁴² Хархордин О. Фуко и исследование фоновых практик // Мишель Фуко и Россия. Сборник статей. Под ред. О. Хархордина. СПб.-М., 2001. С. 54.

²⁴³ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773 – 1775 годов). Под ред. П.П. Епифанова. Чебоксары, 1959. С. 154.

пропитание со всех крестьян по 1 коп., «денно и ночью» во время страды заставлял грузить вино и хлеба на дворцовые струги, требовал для винокуренного завода с 5 душ муж. пола по сажени дров, пытался унавозить паровое поле «в четверть аршина» и, когда ему показалось, что крестьяне привезли меньше требуемого, взял с каждого по 1 коп. Сулакатцов начал ремонт Модаевского винокуренного завода, хотя этого и не требовалось, потому что завод был отстроен после пожара в 1757 г. Тем не менее, комиссар в «деловую пору» на заводе «поварни, скородунки, солодовню и овины переломал и велел все строить вновь». На эти работы он направил 40 конных и 60 пеших крестьян. Жители волости требовали отменить содержание десятинной пашни, закрыть винокуренный, конный и скотный «заводы», т.е. избежать «двойной тягости от работ и платежа 1 руб. 30 коп. оброка», как это было в других волостях. В противном случае, предупреждали они, «в платеже государственных подушных и дворцовых доходов останется немало тысячная доимка» и «за бедным нашим разорением многие принуждены разбрестись врознь». ²⁴⁴ Об этом же пишет Л.М. Артамонова, анализируя указы государственных крестьян: «Решительней выступали крестьяне в отношении других налогов и повинностей. При этом крестьяне старались представить их как излишнее и даже незаконное отягощение, как помеху в несении основного государственного налога – подушного оклада». ²⁴⁵

Подобные конструкции встречаем и в комплексе доношений от крестьян синодальных вотчин Переславль-Залесского уезда, жалующихся на взятки и лихоимство местного воеводы Зуева и его свойственника Чернцова. 1 июля 1735 года поступило доношение от Переславль-Залесского уезда Борисоглебского стана синодальной вотчины села Покрова (Антониева пустынь) от выборного Никиты Семенова с товарищами. В этом доношении они жаловались на воеводу Зуева и канцеляриста Чернцова²⁴⁶. В доношении от сотского Андрона Давыдова написано: «А оная провинциальная канцелярия а паче воевоцкой свойственник канцелярист Чернцов, не взирая на убожество и за гладом на горестные и злезные, те безуказные зборы таковыми ж нападками и более простираютца, и ко взятком от чего та их

²⁴⁴ Заварюхин Н.В. Мордовия в XVIII в. Крестьянство и аграрные отношения. С. 311 – 312.

²⁴⁵ Артамонова Л.М. Требования государственных крестьян Поволжья в Уложенную комиссию 1767 – 1769 гг.: диссертация ... кандидата историч. наук. Куйбышев, 1985. С. 132.

²⁴⁶ РГАДА. Ф. 304. Оп. 1. Д. 386. Л. 42 – 43 об.

синодальная вотчина и горшее придет всеконечное разорение *и от того платежа подушных денег может нанести немалое несходство*». ²⁴⁷ В доношении от другого сотского мы находим тот же рефрен²⁴⁸.

Один из немногих обнаруженных нами в материалах РГАДА конфликтов, прямо и непосредственно связанных со сбором подушной подати, также демонстрирует, что дворцовые крестьяне апеллировали к букве закона и старались защитить свои интересы, даже в условиях посылки команд²⁴⁹. В августе 1739 года в Главную дворцовую канцелярию поступило доношение от лейб-гвардии Семеновского полка солдата Александра Хоненева, в котором он сообщал, что был послан в Княжескую волость для сбора доимки в 643 рубля 17 копеек. Но, несмотря на то, что эти деньги были на руках у крестьян, «старосты и крестьяня оных денег и выслат ему не дали, и учинились противны и сказали якобы они имеют квитанции требовал которых ему оные старосты не предъявили, да ониж объявили якобы имеют указ о неплатеже оной доимки». Солдат поехал править доимку в самую деревню Илькино, но там собралось около трехсот человек и «править ему той доимки не дали и говорили с великим криком, якобы он имеет инструкцию от главной дворцовой канцелярии фальшивую, и хотели ево в оной деревне убить до смерти и бранили матерны». Более того, крестьяне заявили, что послали от себя челобитчиков по этому делу в Петербург. Солдат обратился во Владимирскую провинциальную канцелярию с тем, чтобы ему дали 2 солдат. Но и несмотря на приезд трех солдат, крестьяне не выдали денег. В отчет на доношение началось расследование, в рамках которого были записаны показания старосты, объявившего: «квитанций не объявляли того ради, что те квитанции в то время еще были не отписаны»²⁵⁰, что доимку платить крестьяне не отказывались, но «тех собранных доимочных денег в Москву выслать не дали для того, что о высылке оных денег указу не имелось»²⁵¹. Сборщик пояснил, что деньги не дали выслать, поскольку не были собраны накладные деньги.²⁵² Чем закончилось дело неизвестно (скорее всего, крестьяне в итоге погасили недоимку), но важно, что в своей аргументации они

²⁴⁷ Там же. Л. 43 об – 44.

²⁴⁸ Там же. Л. 47.

²⁴⁹ РГАДА. Ф. 423. Оп. 2. Д. 1759.

²⁵⁰ РГАДА. Ф. 423. Оп. 2. Д. 1759. Л. 5.

²⁵¹ Там же. Л. 7 об.

²⁵² Там же. Л. 11 об.

обращались к тем же формальным основаниям, на которые указывал закон - наличие указов, отсутствие квитанций и т.д.

Подушная подать настолько глубоко вросла в крестьянскую жизнь, что была включена в систему расчетов между крестьянами, выступала в качестве своеобразной формы расчета: ставка подушной была удобной, привычной, не меняющейся долгое время величиной, к которой можно было свести другие платежи. Так, подушная подать стала расчетной единицей для аренды земли. Например, среди чувашских крестьян, которые, по сути, были государственными крестьянами, практиковалась аренда земли на условиях платежа подушных денег за сдатчика. В 1737 г. крестьянин д. Кукешева Свияжского уезда Мурзика Паймекеев «деревни Новой Батеевы у ясажного чувашенина Якория Патева по полюбовному договору взял ... росчисной отцом ево, Якория, Патева земли пять загонов да сенных покосов на пятьдесят копен, и за те загоны и за сенные покосы снял на себя платежом подушных денег и всяких податей у него, Якория, одну душу вечно при свидетелях».²⁵³ (При этом от этого стоит отличать примеры сдачи земель беглых крестьян их соседями в счет платежа подушной).²⁵⁴ Подушная подать была расчетной единицей для платы за поденную работу.

Говоря о собираемости и о значении подушной подати в крестьянской жизни, интересно рассмотреть ситуации гипотетического выбора «платить/не платить». Очевидно, что в рутинной повседневной крестьянской жизни факт особого отношения к платежам выявить очень сложно. Поэтому анализу будут подвергнуты в первую очередь именно ситуации «гипотетического выбора», т.е. те эпизоды, когда крестьяне совершали поступки, которых, вроде бы, могли и избежать.

Первый яркий пример связан с беглыми крестьянами. Беглые – это явно особый случай, плата ими подушных денег может показать особые практики в уплате налога. Показательный в этом отношении эпизод, относящийся к концу 1730-х годов, описан в работе П.К. Алефиренко: «офицеры, посланные (в разные уезды Российской империи – КЕ) для поимки беглых крестьян, жаловались Сенату на бездействие местных властей в отношении указов по борьбе с бегством, вследствие чего крестьяне, «бежав с прежних жилищ, поселились собою и как подушных, так и помещикова дохода не платят, а живут праздно». А далее идет важное добавление: «эта жалоба относилась не ко всем беглым крестьянам, так как многие из них

²⁵³ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века... С. 148.

²⁵⁴ Там же. С. 149.

продолжали аккуратно платить подушные деньги».²⁵⁵ На самом деле, эта оговорка рождает ряд дополнительных вопросов. Насколько данный эпизод является показательным для нашего предположения о том, что крестьяне в некоторых случаях платили даже когда гипотетически могли бы этого не делать? Какие именно крестьяне? Анализ Алефиренко показывает, что в данном случае это были в основном помещичьи крестьяне из центральных уездов (например, Московского). Кому они платили, учитывая неопределенность своего статуса – и что вообще означает термин «беглый» применительно к таким крестьянам, которые, очевидно, в действительности сохраняли связи с общиной?

Важное для понимания феномена «беглых» относительно «подушной подати» соображение содержится в работе Ю.В. Готье: по его мнению, бегство было противодействием не столько подушному налогу, сколько самой переписи ²⁵⁶ . Беглые могли быть как «нелегалами», не внесенными в ревизскую сказку, так и «легальными» беглыми, учтенными по ревизии. Можно предположить, что представители этих групп будут действовать по-разному. В первом случае крестьяне бежали от «фиксации», но в любом случае подать они не платили, и их участь была незавидна: «Укрывшиеся и утаенные мало выигрывали от этого. Убегавшие от правительственного тягла попадали в положение нелегальных, которое было во многих отношениях еще тяжелее, нежели положение плательщиков подушного сбора».²⁵⁷

С другой стороны, были те, кто убежали после внесения в ревизские сказки: как именно платили они? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, обратим внимание на замечание Н.В. Козловой, указавшей, что «тяжесть налогов как причина побегов в показаниях беглых не приводится, но об этом ярко свидетельствуют другие источники» ²⁵⁸ . Под другими источниками исследовательница имеет в виду челобитные и «доносительные» письма, докладные записки. ²⁵⁹ Но последние источники носят ярко выраженный риторический

²⁵⁵ Алефиренко П.К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30-50хх годах XVIII века. С. 106 – 107.

²⁵⁶ Готье Ю.В. Из истории передвижений населения в XVIII в. // ЧОИДР. 1908. Кн. 1. С. 16.

²⁵⁷ Там же. С. 18.

²⁵⁸ Козлова Н.В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII века (из истории социально-экономической жизни страны). М., 1983. С. 59.

²⁵⁹ Так, в своей челобитной, поданной в Сенат в июле 1715 г., крестьяне, бежавшие из разных уездов Московской губернии и поселившиеся на пустоши Почепи

характер, и насколько они могут быть использованы для наших целей, судить сложно.

Прежде всего, само наличие у беглого крестьянина выбора «платить/не платить» зависит от сохранения (или изменения) им своего статуса в результате бегства, поскольку статус тесно связан с необходимостью платежа в целом. В первой трети XVIII века «помещичьи и монастырские крестьяне бежали преимущественно в деревню и сохраняли неизменным свой социальный статус. Иной характер носило бегство у дворцовых и государственных крестьян. Они бежали в основном в города, и лишь 24 % дворцовых и 14,5 % государственных крестьян сохранили при этом свою социальную принадлежность»²⁶⁰. В этом контексте тезис П.К. Алефиренко о том, что беглые крестьяне в некоторых случаях продолжали платить подушную, выглядит вполне убедительно. А если учесть замечание Ю.В. Готье о нелегальности, то можно предположить, что факт уплаты подушной легализовывал беглых крестьян на новом месте и включал их в состав общины.

Помимо проблемы бегства крестьян возможна была ситуация, когда подушную подать заплатить было нечем. Как крестьяне могли себя вести в такой ситуации? Очевидно, они могли постараться не платить, но неоднократно встречались ситуации, когда они продолжали платить подушную подать, занимая при этом деньги ²⁶¹. Пример такого поведения чувашских (государственных) крестьян приведен в работе В.Д. Димитриева. На основании проанализированных им источников автор сделал вывод, что деньги занимали главным образом чувашские крестьяне. Так с 1721 по 1759 года крестьяне заняли 10665 руб. 49 коп., и из всей занятой суммы 7537, 29 (70,7 %) занималось для уплаты податей, расплаты со

Муромского уезда, писали, что бежали они «от скудости и от хлебного недорода, от конного и от скотного падежу, и от немерного в недостатках наших платежах правежу, и от мирских всяких налогов, и от неправых зборщиковых и ябедниковых поборов...». На то же указывалось и в «доносительных» письмах, поданных в 1713 г. в канцелярию Сената (Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. III. Кн. II. СПб., 1888. № 602. С. 605.) Тяжесть государственных податей признавало и само правительство. В докладной записке, представленной 18 ноября 1726 г. Екатерине I членами ее кабинета, например, читаем, что крестьяне разоряются и бегут от своих помещиков «не от одного хлебного недорода и от подушной подати», но главным образом от правежа недоимок, когда «крестьянских пожитков в платеж тех податей недостает и ... крестьяне для того не токмо последний скот и пожитки продают, но и детей своих закладывают, и иные врознь бегут» (ПСЗ. Т. 8. № 6024); См.: Козлова Н. В. Побег крестьян... С. 59.

²⁶⁰ Козлова Н.В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII века... С. 54.

²⁶¹ Гагиева А.К. Община крестьян Коми края во второй половине XVIII в. С. 51.

старыми долгами и на мирские расходы.²⁶² Автор показывает, что брать в долг на уплату подушной крестьяне стали начиная с 1735 года, и делали это на протяжении двух десятилетий до конца 1750-х гг. Чувашские крестьяне заявляли комиссии А. И. Свечина, что «пришли они в великую скудость и почти в несостояние государственных податей, и для того берут они на свои необходимые нужды у чебоксарских купцов по неимуществу своему денег по рублю и больше, за что платят по 10 копеек на рубль в неделю, док[маест] то заемное число заплатят, от чего пришли в вящую нищету...»²⁶³ Крестьяне (по крайней мере, по их словам) предпочитали взять кредит на тяжелых условиях выплат, нежели чем не заплатить.

Брали займы для уплаты подушной не только государственные крестьяне, но и помещичьи, кредитовавшиеся у своего помещика. Так, по данным И. А. Булыгина, в марте-апреле 1772 года крестьяне сс. Мачкас и Ивановского «всем миром просили заплатить за них подать из господских денег, 'заимообразно', 'до весны'. Приказчику с. Мачкас управляющий разрешил сделать это, но на свой 'акорт', т.е. ответственность, что он соберет потом деньги. В 1773 г. мачкаские крестьяне снова обращаются с подобной же просьбой. За 1777 г. в с-це Куликовом подушные за первую половину были заплачены лишь в сентябре, т.е. когда уже надо было платить и за вторую половину»²⁶⁴. Более того, в вотчинной инструкции, как сообщал в 1772 г. один из приказчиков, был пункт, по которому «*помещик разрешал вносить за крестьян свои деньги*».²⁶⁵ Эпизоды получения крестьянами ссуд для уплаты подушной отсылают нас к проблеме фискального давления: что было крестьянам выгоднее, заплатить вовремя, чем ждать посылок?

2.5. Сколько стоит заплатить в срок?

Сколько стоило крестьянам заплатить подушную подать дважды год? Этот вопрос важен для понимания «альтернативных издержек» при платеже подушной с одной стороны, а с другой, его надо обсуждать в свете устоявшегося в историографии мнения о коррумпированности провинциального чиновничества.

²⁶² Димитриев В.Д. Социально-экономическое развитие Чувашии в первой половине XVIII века: диссертация канд. ист. наук. М., 1955. С. 407.

²⁶³ Димитриев В.Д. Социально-экономическое развитие Чувашии в первой половине XVIII века. С. 408.

²⁶⁴ Булыгин И.А. Крепостное хозяйство Пензенской губернии в последней трети XVIII в. С. 245.

²⁶⁵ Там же.

Приведем два примера, которые взяты из приходно-расходных книг мирских сумм по крупным поместьям, в одном случае Куракиных, в другом - Голицыных.

18 октября 1788 года бурмистр Ростовской вотчины княжны Аграфены Александровны Куракиной отвозил в Ростов подушные деньги: «с платежом подушных денег на вторую половину отдано с души по 0,35 копеек итого с 1255 душ заплачено» 439,25 рублей. С них заплачено накладных «по 2 копейки с рубля» - 8,8 рублей (так называемый двухкопеешный сбор), то есть всего уплачено 438,05 рублей²⁶⁶. В документе указано, что помимо этого «господину казначею Александру Петровичу носили рыбы свежей» на 45 коп., в казначейство за прием подушных денег было дано счетчику – 40 коп., присяжным – 40 коп, «канцеляристом и копиистам на повые дано от записки в книгу и квитанции» - 1,1 рубля, солдатам караульным и сторожам – 20 коп., за квитанцию в нижнем земском суде от отметки подъячим – 45 коп., секретарю Алексею Григорьевичу дано – 50 коп., издержано на харч с подводчики (то есть возчики на подводах – КЕ) – 50 коп.. Всего за поездку было произведено дополнительных платежей на 4 рубля (менее одного процента от суммы подушных из расчета на крупное имение). Это не единичный пример. По данным И.А. Булыгина, в 1779 г. помещик Полянский «категорически запретил приказчикам тратить помещичий хлеб и деньги на всевозможные «гостинцы» и «почести» как для отправки в город, так и для приезжающих чинов местной администрации; хлеб и деньги надо было брать с крестьян»²⁶⁷. Подтверждением этого указания служит факт записи этих расходов в книгах мирского сбора.

Для крупных поместий (крестьянских сообществ) дополнительные сборы при платеже подушной подати можно интерпретировать скорее как незначительные. Как дело обстоит в средних? Важно, как это понимали сами крестьяне; так, например, крестьяне одной из синодальных вотчин Переславль-Залесского уезда в доношении на взяточников и лихоимцев провинциальной канцелярии в 1735 году писали, что от «подания сказок ... протчих приказных расходов стоновитца на каждой месяц по десяти алтын и болше»²⁶⁸. (30 копеек за одну поездку в провинциальную канцелярию давало на выходе 3,6 рубля в год, и это означало, что на это собралось «со крестьян со всякого двора по гривне в год и болше»²⁶⁹. Результат нехитрых

²⁶⁶ НИОР РГБ. Ф. 586 (Куракины). Картон 1. Ед. хр. 2. Л. 109 об.

²⁶⁷ Булыгин И.А. Крепостное хозяйство Пензенской губернии в последней трети XVIII в. С. 250.

²⁶⁸ РГАДА. Ф. 304. Оп. 1 Д. 386. Л. 43 об. – 44.

²⁶⁹ Там же.

подсчетов показывает, что это было относительно небольшое поместье, в котором было 36 дворов.

Примечательно также, что уплата не в срок означала недоимку. Какие меры и почему могли применять к недоимщикам? Здесь необходимо различать сроки недоимки. Так, например, если речь идет о недоимках в течение года, мы можем опираться на окладные книги по Переяславль-Рязанскому уезду, в которых фиксируются не только недоимки, но и меры, которые предпринимали местные власти для ее ликвидации. В ней фиксируются меры фискального принуждения (посылка солдат, арест крестьян) только в том случае, если уже есть недоимка в текущем финансовом году. Это означает, что средний размер недоимки был незначителен. При наличии недоимки на поместье к должникам могли направляться команды солдат, или их могли содержать под караулом до уплаты недоимки. Эти меры применялись к одному из четырех поместий. При этом логику применения той или иной меры фискального принуждения в зависимости от размеров поместья суммой недоимки или расстоянием от административного центра выявить не удалось. Пока представляется, что использование провинциальной канцелярией разных возможностей для выбивания текущего долга было случайным. Как подобная «нелогичность» воспринималась крестьянами и помещиками, была ли она заметна для плательщиков подушной?

Хроническая недоимка, которая не уплачивалась за год или два, провоцировала интенсивные контакты с провинциальной канцелярией. Провинциальная канцелярия регулярно направляла команды в эти деревни и села, или, по крайней мере, писала об этом; часто встречаются жалобы на выбивание недоимок. Так, в наказах государственных крестьян в екатерининскую Уложенную комиссию писалось, что их «безвинно» разоряли уже сами приезды чиновников с объявлением о сборе подушных денег, «от которых кроме разорения ничего не происходит»²⁷⁰. Здесь нужно понимать, что если чиновник приехал, значит произошла задержка в уплате подушных, т.к. до истечения срока платежа чиновники не должны были выезжать, по крайней мере, согласно закону. Другое дело, что установленные законом сроки платежа не всегда совпадали с сельскохозяйственным циклом работ, точнее с возможностью выгодно продать урожай, чтобы получить деньги на уплату налога. Поэтому представления крестьян об оптимальных сроках

²⁷⁰ Артамонова Л.М Требования государственных крестьян Поволжья в Уложенную комиссию 1767 – 1769 гг. С. 116 – 117.

платежа могли не совпадать с представлением государства о сроках платежа. Вообще, жалобы на выбивание недоимки встречаются часто. Означает ли это, что недоимки действительно выбивали жестоко? Попытки властей выколотить недоимки правожом приводили к тому, что крестьяне «долговременно содержаны были неизсходно под караулом, отчего пришли в наивящее раззорение и скудость..., почти лишась своих домов»²⁷¹. Жалобы на разорение из-за взыскания недоимок содержались в шести наказах в екатерининскую Уложенную комиссию.

И здесь следует оговорить существенный нюанс, связанный с пониманием фискального насилия. С конца XVIII века можно видеть «ужесточение мер против недоимщиков»: встречаются примеры как нижний земский суд требовал «имущество недоимщиков продать, а сборщику и всем мирским людям велеть, чтобы они «впредь накрепко смотрели, чтобы недоимки никакой не учиняли»». ²⁷² Можно ли из всего этого сделать вывод, что подушную подать крестьяне платили вполне осознанно, и если у них была в принципе возможность платить, они платили? Данные, как кажется, указывают, что им было выгоднее заплатить в срок и быть без доимок. При этом стоит учитывать, что мы считаем, что подушная подать была не тяжелым платежом. Полноправными членами общины (участвовать в сходах) могли быть только те домовладельцы, кто аккуратно платили подати²⁷³. Этот факт имеет два значимых следствия для наших рассуждений. С одной стороны, это внутреннее требование крестьянского мира «настраивает» крестьян, чтобы платить. С другой стороны, риторика челобитных о тяжести платежей и разорении от платежей может отражать не только факт самой тяжести, что бесспорно, но и своеобразную артикуляцию своих внутренних потребностей платить. Так же она могла вырастать из представлений XVII века о том, что они, крестьяне - люди государевы. «Итак, в представлениях Тимошки Ананьина, крепостного крестьянина, существует некая иерархия ценностей, в которой наивысшее место занимают Бог и великий государь. Им принадлежат все люди и при этом, видимо, на схожих основаниях. Иными словами, государь владеет людьми на том же (или почти том же) основании, что и Бог, т.е. как высшая, верховная сила. Своему непосредственному владельцу же

²⁷¹ Артамонова Л.М. Требования государственных крестьян Поволжья в Уложенную комиссию 1767 – 1769 гг. С. 116 – 117.

²⁷² Гагиева А.К. Община крестьян Коми края во второй половине XVIII в. С. 76.

²⁷³ Волков С.И. Крестьяне подмосковных дворцовых владений и дворцовое хозяйство во второй четверти XVIII века. (К изучению проблемы о начале разложения феодально-крепостнического хозяйства): Диссертация ... канд. исторических наук. М., 1953. С. 182.

Ананьин принадлежит уже на качественно иной основе – на основе крепостной зависимости».²⁷⁴ И если подушная была единственным государственным платежом, то понятно, почему она становилась способом давления на власть.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

РГАДА

Ф. 248. Сенат и его учреждения

Кн. 387. Дела по военному повытью.

Кн. 390. Дела по Военной коллегии.

Кн. 399. Дела по Военной коллегии.

Кн. 426. Дела по Военной коллегии.

Кн. 429. Дела по Военной коллегии.

Кн. 699. Дела по разным предметам.

Кн. 713. Дела по разным предметам.

Кн. 2887. Московская Сенатская контора

Ф. 304. Следственные комиссии по административным, уголовным и др. преступлениям

Ф. 423 Владимирская провинциальная канцелярия

Ф. 449 Тульская провинциальная канцелярия

Ф. 708. Балахнинская ратуша и городской магистрат.

Ф. 713. Брянский городской магистрат

Ф. 769. Севский провинциальный магистрат.

Ф. 770. Серпуховская земская изба, ратуша и городской магистрат.

Ф. 773. Смоленская ратуша и городской магистрат.

Ф. 397. Комиссии о коммерции и о пошлинах.

НИОР РГБ. Ф. 586 Куракины.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

ПСЗ 1.

²⁷⁴ Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 33.

Генеральная, учиненная ис переписных книг, о числе мужеска полу душ табель (1738) / Публ. В.М. Кабузан, Н.М. Шепукова // Исторический архив. 1959. №3. С. 130–165.

Переписи населения России / Под ред. Л.Г. Бескровного, Я.Е. Водарского и В.М. Кабузана. Вып. 1–3. М. 1972.

ПСЗ I. Т. 5. № 3295 .Т. 7. № 4224, № 4533, № 4534, № 4637, № 4674, № 4826, № 4857, № 5010, № 5017, № 5028, № 5033, № 5037, № 5148, Т. 8. № № 5275, 5394, № 5472, № 5780, № 5638, № 5904, № 5998, Т. 9. № 6674, № 6872, № 6976.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ:

Словарь русского языка XVIII века / Институт русского языка РАН. СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992. 3д.: Вып. 17: Оный – открутить.

ЛИТЕРАТУРА:

Hartley J. Russia as a Fiscal-Military State // Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe: essays in honor of P.G.M. Dickson / Ed. By C. Storrs. Farnham: Ashgate, 2009. P. 125–146.

Morrison D. "Trading peasants" and urbanization in eighteenth-century Russia : the Central Industrial Region: Ph.D. Diss. Columbia Univ. NY, 1981.

Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30-50хх годах XVIII века. М., 1958. С. 96.

Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I (Введение подушной подати в России 1719 – 128 гг.): Автореф. Дисс.....д-ра ист. наук. Л., 1984.

Артамонова Л. М Требования государственных крестьян Поволжья в Уложенную комиссию 1767 – 1769 гг.: диссертация ... кандидата историч. наук. Куйбышев, 1985.

Артамонова Л.М Требования государственных крестьян Поволжья в Уложенную комиссию 1767 – 1769 гг. С. 116 – 117.

Булыгин И.А. Крепостное хозяйство Пензенской губернии в последней трети XVIII в. (на примере владений И. А. Полянского). М., 1954. С. 244.

Волков С.И. Крестьяне подмосковных дворцовых владений и дворцовое хозяйство во второй четверти XVIII века. (К изучению проблемы о начале разложения феодально-крепостнического хозяйства): Диссертация ... канд. исторических наук. М., 1953.

- Гагиева А.К. Община крестьян Коми края во второй половине XVIII в.: автореферат... канд. ист. наук. - Л., 1987.
- Готье Ю.В. Из истории передвижений населения в XVIII в. // ЧОИДР. 1908. Кн. 1.
- Козлова Н.В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII века (из истории социально-экономической жизни страны). М., 1983.
- Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773 – 1775 годов). Под ред. П.П. Епифанова. Чебоксары, 1959.
- Димитриев В.Д. Социально-экономическое развитие Чувашии в первой половине XVIII века: диссертация канд. ист. наук. М., 1955.
- Живов В.М. Дисциплинарная революция и борьба с суевением в России XVIII века: Провалы и их последствия // Антропология революции: Сборник статей по материалам XVI Банных чтений журнала «Новое литературное обозрение». М., 2009. С. 327–360.
- Заварюхин Н. В. Мордовия в XVIII в. Крестьянство и аграрные отношения. С. 311 – 312.
- Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. М., 2006.
- Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII века. М., 1903.
- Козлова Н.В. Российское купечество и абсолютизм в XVIII веке. М.: Археографический центр, 1999.
- Корчмина Е.С., Федюкин И.И. Собираемость подушной подати в середине 18 века: к вопросу об эффективности государственного аппарата в России в исторической перспективе // Экономическая история 2013.. Ежегодник. М., 2014 (в печати).
- Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 33.
- Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. СПб., 1905.
- Миронов Б.Н. Русский город в 1740 – 1860-е годы. Л.: Наука, 1990.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII в. – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Изд. 2-е. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. I.
- Руковский И.П. Историко-статистические сведения о подушных податях. СПб., 1862.
- Уздеников В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах. 1700-1917. М., 1995.

Хархордин О. Фуко и исследование фоновых практик // Мишель Фуко и Россия. Сборник статей. Под ред. О. Хархордина. СПб.-М., 2001. С. 54.

Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Пер. с англ. А.А. Паламарчук при участии Л.Л. Царук, Ю.А. Махалова; Отв. Ред. С.Е. Федоров. СПб., 2003.

Юхт А. И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М. 1994. С. 254).